

МАКС ОСТРОГИН

INFERNO

Мертвецы не танцуют

Inferno

Макс Острогин

Мертвецы не танцуют

«ЭКСМО»

2010

Острогин М.

Мертвецы не танцуют / М. Острогин — «Эксмо»,
2010 — (Inferno)

Поход на Запад, к Центру, заведомо провальное дело. Мрак там сильнее. Настоящий, жирный и бесспорный. Не мелкая грязная погань, назойливо повисающая на ногах и пытающаяся выклевать глаза, — настоящая тьма. Община уже посылала туда людей. Три отряда по восемь человек — все сгинули. А людские ресурсы надо беречь. Свои все наперечет. И главное тут слово «свои»... Чужака никогда не жалко. А он в клане чужой. Да, метко стреляет и быстро бежит. Да, умеет выживать в любых условиях, спать в земле, дышать под водой. Но не «свой». Значит, он и пойдет туда, откуда никто не возвращался. Но смерть снисходительна к героям. Как будто дает им шанс показать, чего они стоят.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Макс Острогин

Мертвецы не танцуют

Глава 1

Землетряс

Восемь.

Винтовка сработала непривычно мягко, почти без отдачи, почти без звука. Негромкий шелест. Точно в левое плечо, не мне, тетке. Тетку развернуло, секунду она пыталась балансировать, размахивала сумкой.

Интересно, ее с сумкой, что ли, похоронили? Чего она ее таскает-то? Вроде вполне мреческая тетка, почерневшая, подгнившая, заросшая этой паскудной мертвецкой коростой, а с сумкой. Нашла, видимо, где-то. Шла себе дохлая, вдруг видит – сумка, ну и взяла. Рефлекторно. Иногда такое случается, сам видел. Мрец с костылем. А другой с велосипедом, я его даже за человека сначала принял – идет человек, велосипед рядом с собой катит. Я к нему познакомиться, а он как кинется. Велосипед, значит, как маскировку использовал, хитрость проявлял. Хотя, может, он раньше велосипедистом был знаменитым, раньше люди на велосипедах только так гоняли...

Тетка с сумкой не удержалась, сорвалась в провал. Жаль.

Патрона жаль, на мреца – и целый патрон! Расточительство. Хотя плевать, у меня этих патронов... Четыре ведра.

Простые. Трассеры. Разрывные. Бронебойные. Это чтобы не скучно, это чтоб весело. Я тут уже неделю сижу, дежурю. Погань лезет и лезет, а я стреляю и стреляю. Тоска, поэтому разные патроны и использую. Вот, к примеру, разрывной. Здесь надо подкараулить, пока тварь не подберется к провалу поближе, и только тогда стрелять. Башка у мреца в клочья, а сам он аккуратненько в яму, хорошая работа.

Или трассер. Трассером красиво. Видно, куда стреляешь, можно даже в прицел не смотреть, трассеры я больше всего люблю.

Или бронебойный, с сердечником. Им легко сразу нескольких завалить, главное, подловить, пока они на одной линии расположатся – бац – и сразу три штуки. Хотя обычно только первый успокаивается окончательно, остальным кому руку, кому ногу отрывает, мерзкое зрелище получается. Потому что шевелятся. И мрецы, и руки-ноги ихние. За день набьешь сотню, а они шевелятся, скребутся, аж тошнит, вечером приходится идти к провалу, чистить, чтобы не скапливались, огнеметиком.

Они на той стороне беснуются, до меня добраться стремятся, а я на этом берегу. И с огнеметом. Плюк. Смесь тоже беречь нечего, Петр ее много наварил. Вот я и не берегу, поливаю щедро. От огня они бегать начинают, не любят огонь, как и любая погань. Туда-сюда, туда-сюда, друг о друга стучаются, в провал проваливаются. Вообще мрецы хорошо горят. Утром, когда прихожу, один пепел остается, да и тлеет еще кое-где. Ими, наверное, печь топить можно. Вот если не думать, что это мрец, а думать, что полено. Надо предложить проект Япету – топить мрецами. Только топить у нас нечего, все на электричестве...

Девять.

И снова в провал. Непонятно, мужик или тетка, старый уже мрец, мумифицированный. В ногу ему, в колено, сразу в ров полетел.

Вчера сорок шесть штук подбил. Из винтовки все, из карабина я по этой погани не стреляю, не достойны они. Винтовкой обхожусь, не скучно.

Тут у нас постоянный пост, засечная черта. Постепенно зачищаем территорию, огораживаемся. Провалы, машины, в домах двери завариваем, ловушки устанавливаем, баррикады. Тут самое важное – чтобы естественно все это выглядело, будто само оно образовалось. Чтобы

человеческое отребье не лезло. А погань, конечно, пробирается, но немного. Так что днем вокруг Варшавской разрешается даже немного погулять. Особенно если стрелки на постах.

Порядок. Хоть какой-то.

Был.

До прошлой недели.

Неделю назад к северу от нас проревел торнадо. Небо загустело, почернел воздух, и в молниях и грохоте сатана явил свой разрушительный палец. Серафима отмечала – четыре километра прошел, с востока на юго-запад. Снес два квартала. Ну, и кладбища причесал. Два. Ободрал весь верхний слой. И теперь они бродят. Много, сотни, может, тысячи удивительно хорошо сохранившихся мрецов. И все прут, чуют мясо.

А я их отстреливаю. Возле провала. Улица тут широкая, провал чуть наискосок, глубокий, метров двадцать. Я на кране сижу. Рядом к недостроенному дому прицеплен кран, в кабине оборудован пост. Ничего, уютно, запросто дней пять продержаться – даже диван кто-то втащил, что удобно, – сиди на диване, постреливай.

Провал как на ладони, и едва поганец приближается к краю, я его успокаиваю. С одного, разумеется, выстрела. И летит он в яму. А я в журнал записываю – Япет велит учет производить для научных целей.

Десять.

Сразу двоих, но записываю как одного.

Серафима вчера приходила, стрелять училась. Встала возле провала и давай палить из автомата. Два диска расстреляла, набила кучу, ко мне забралась с довольным видом, учись, говорит, как надо, сразу полсотни штук. Дура. Сегодня тоже прийти грозилась, отрабатывать стрельбу с обеих рук.

Ну пусть приходит, все веселее. Болтает много, анекдоты рассказывает, увлечение у нее такое – анекдоты сочинять. Несмешные, кстати.

Одиннадцать.

Двенадцать, тринадцать, еще два выстрела.

Я высунулся из кабины.

Вспомни Серафиму – она тут как тут. С пистолетами. Вся просто увешана пистолетами, наверное, по-оружейки приволокла.

Рукой мне помахала – и к провалу. Мрецы почуяли, оживились, стали поближе подбираться, а что, в Серафиме килограмм, наверное, пятьдесят, ценный продукт.

Мрецы наступали, Серафима дождалась, пока они не подойдут к краю провала, выхватила пистолеты, заорала что-то воинственное и начала отстрел.

Дура.

Бестолковое занятие – стрелять вот в упор, да еще по почти неподвижным мишеням. Тупой и бессмысленный расход патронов, мне совсем не нравится, один выстрел, один труп, так всегда Гомер говорил.

Я старался сначала всего этого безобразия не замечать, но Серафима развела настолько оглушительно беспорядочную стрельбу, что у меня голова заболела. Даже Папа недовольственно мяукнул. Я плюнул и полез вниз.

Серафима упражнялась. Довольно неуклюже. Старалась стрелять из-за спины, из положения лежа, на звук. Грому много, толку мало.

– Ну как? – поинтересовалась Серафима, когда я подошел. – Шестнадцать штук уже заваляла.

– Бестолковое занятие, – сказал я.

– Почему же? Сокращаю численность – это полезно.

– Это бесполезно. Трупов на каждом кладбище по несколько миллионов. Разной степени разложения. На всех патронов не хватит.

- Ты это Япету скажи.
- Я говорил, он не слушает.
- И правильно делает.

Серафима застрелила длинного мреца, никогда таких длинных не видел, две пули ей понадобилось, перерасход.

Неприятно все-таки. Когда они вот, в пяти метрах. И вонь слышно, и зубы видно – ногти, зубы и волосы продолжают расти. У некоторых. Хорошо хоть прыгать не умеют.

– Правильно делает, – повторила Серафима. – Тебя слушать... Неизвестно, что ты за человек пока, чтобы тебя слушать... А правда, что ты с навкой гулял? Говорят, у вас любовь...

Серафима захихикала, мне немедленно захотелось столкнуть ее в ров. Но я только сказал:

– Дура ты.

– Ага, дура... А правда, что она тебя тоже? Ну, типа, любит?

– Я же говорю – дура. Ты дура.

– Ага. Говорят, что она тоскует без тебя. Когда ты уходишь, она на стены кидается. Любовь, точно. Чудовище и красавец!

Едва не замахнулся. Честно, еще бы секунду, и влупил бы ей, прямо в лоб, в лобешник...

– Спокойно, спокойно! Это так трогательно, что я не могу просто.

Серафима снова стала стрелять. Пистолеты дергались у нее в руках, кисти слабые, никуда не годится. Но попадала. В упор любая дура попадет.

Патроны закончились, она спрятала пистолеты и достала револьвер. С коротким стволом, черный. Я позавидовал, сам давно хочу себе револьвер, даже у Петра одна рухлядь, а самоделку не хочется.

А у этой есть.

– Говорят, ты и сейчас к ней ходишь...

Бук. Револьвер звучал совсем по-другому, серьезнее. И убойнее, мрецов отбрасывало на несколько метров, видимо, Серафима подточила пули.

– Говорят, ты ее выкрасть два раза пытался...

– Такие же дуры, как ты, и говорят.

Я разозлился и направился обратно, к крану. Зря она приперлась, только настроение портит. Бестолковая. Все они тут бестолковые, один другого хуже. Но эта Серафима... И чего она ко мне привязалась?

Мяв. Папа мяучил. Громко. Отрывисто.

– Кошака пора кормить, – усмехнулась Серафима. – Скорее, а то он тебе в ботинки нагадит!

При чем здесь ботинки? Нет, все же дура...

И тут же звук. Протяжный и страшный, как будто со всех сторон, и с неба, и из-под земли. Я остановился. Оглянулся.

Мрецы замерли. Окоченели, как-то головы наклонили. Тоже, что ли, слушают...

Серафима перестала стрелять. Отбежала от провала. Ко мне поближе.

– Опять смерч, что ли... – перезаряжала револьвер. – Вот привязались... Про дожди из мертвецов слышал?

– Нет.

– А они бывают. Шнырь рассказывал. Один смерч разрывает кладбище, труперы вылезают, а другой их подхватывает. А потом они сыплются. Здорово?

– Здорово.

– А правда, что Петр за твой «Эндфилд» предлагал любую пушку, какая у него есть?

– Не «Эндфилд», а «Энфилд», с одним «д»...

– Это ты с одним «д», раз отказался, – перебила Серафима. – Выбрал бы вместо этого старья нормальную пушку, Петька электромагнитный резак сейчас как раз изобретает, можно

труперов валить, как серпом по лебеде. И он с двумя «д» – «Эндфилд», по-английски «Конец поля»!

– Какого еще поля?

– Футбольного, что непонятно. Через все поле бьет, отчего и называется. Изучай английский, кошатник.

– Зачем мне английский?

– Как зачем? Есть пилюльки от дурости, а там инструкции всегда на английском. Вдруг повезет найти?

– Сама ты... С двумя «д»...

Папа уже орал. Звук повторился. Громче, даже глаза заболели.

– Что это?! – Серафима побледнела.

– Конец поля!

Звук. Прямо из-под ног.

– Тряс!! – заорал я. – Лежать!

Быстренько лег на бок, натянул противогаз. Серафима выругалась, упала рядом, тоже противогаз нацепила.

Вой не прекращался. Постепенно к этому вою прибавлялась вибрация, словно в глубине под нами выгибалась гигантская пружина. Заныли зубы и остальные кости, вибрация перешла в толчки, и теперь мы подпрыгивали, стучаясь бронешитками и фильтрами противогазов об асфальт.

Под нами побежали мелкие трещины, вой оборвался, толчки тоже оборвались, и тут же грохнуло уже совсем оглушительно. Серафима что-то орала, я поглядел направо и обнаружил, что обвалился недостроенный дом, кран остался стоять, наклонившись набок, и тут же ударила пыль, плотная и почему-то горячая.

Стало темно и жарко, не знаю почему, наверное, из щелей в земле бил горячий воздух. Тряска прекратилась, я вскочил на ноги.

Ничего не видно, пыль, серая, почти синяя, густая, вокруг. Кран по правую руку, точно.

Серафима поднялась, стала отряхиваться и ругаться, она только сегодня почистила комбез, а тут эта пакость...

Движение. В пыли. Что-то темное. Серафима выругалась еще страшнее. Я вскинул карабин.

Серафима выхватила пистолеты.

Еще движение. И еще.

Из пыли показался мрец. И Серафима тут же пустилась стрелять. Плохо! Почти все мимо, мрец заметил нас, захромал быстрее.

Серафима заорала, перешла на автоматический огонь и выпустила очередь. Мрец заплясал под пулями, упал.

– Так вот! – крикнула Серафима.

Еще два. Первого завалила, второй шагнул на меня.

Карабин. С пяти метров. Голову оторвало. Мрец осел. И сразу же движуха. Со всех сторон. Отлично.

– Что это?! – замычала Серафима. – Что?! Почему?!

Она задышала быстро и хрипло. Паника. А может, фильтр давно не меняла. Дура, точно дура. Сейчас...

Слева.

Я заряжал карабин. Винтовку оставил на кране, тащить не хотелось.

Серафима завизжала и стала стрелять. Мимо, мимо, мимо! Патроны кончились, Серафима бросила пистолеты, выхватила другие.

Тряс. Провал завалило. И теперь они здесь.

Серафима стреляла. Плохо, дырявила воздух, косая. Мрецы дергались от пуль и продолжали наступать. Если ускорятся, придется туго, а тут еще эта пыль...

Пистолет замолчал, Серафима лупила из другого, патроны закончились. Мрец кинулся к ней, она завизжала, съежилась и присела, я выстрелил.

Попал.

Серафима задохнулась и содрала противогаз, и тут же втянула жгучую пыль, покраснела, потеряла сознание.

Закинул за спину карабин, забрал у Серафимы пистолеты. Неплохие, с магазинами увеличенной емкости, в каждом по тридцать патронов.

Я отступал к крану. Серафиму тащил за собой, как мешок, за ворот. Стрелял скупое. По коленям. С развороченными коленями они начинают биться, корчиться, мешать друг другу. Пять метров тащу Серафиму, затем стреляю. Не успели еще окружить, повезло. Пять метров, еще пять, еще.

Пыль оседала. Я видел, что их много. Но я уже успел. Забросил эту дуру на противовес, залез сам. Все, здесь не достанут.

Теперь приятное. Отхлестал Серафиму по щекам. Хорошенько, чтобы завтра синяки проявились. Побрызгал водой. Снова отхлестал. Очнулась, промычала что-то протестующее, я добавил. Велел лезть на кран.

Поползла.

Я остался на бетонных плитах. Пострелял еще немного, но бессмысленно, конечно – провал затянуло, и теперь все, что скопились на той стороне, перебрались сюда.

Ладно.

Дождался, пока Серафима спрячется в будке, забрался сам. Серафима валялась на диване, пила воду. Морда у нее была красная, но я с удовольствием отметил, что и синеть уже начинала. Папа сидел спокойно. Не спал, но и не мяргал, в состоянии ожидания.

Снял противогаз. Воздух вонял цементом, известью и какой-то горечью, захотелось пить. Отобрал бутылку у Серафимы, сделал несколько глотков, остальное вылил на голову.

– Сволочь... – просипела Серафима. – Сволочь... Надо тебя к твоей девке посадить... Вместе сгниете, в зверинце. Там вам и место.

Открыл шкаф, достал баллон. Тяжелый. Выставил замедление в минуту, вышвырнул наружу. Баллон звякнул и задребезжал, покотившись по асфальту.

Через минуту зашипело, газ стал растекаться по окрестностям. Хороший газ, тяжелый и текучий. Я ждал. Еще через три минуты проскочила искра, и под нами разлилось широкое огненное озеро.

Мертвецы горели, они же хорошо горят. По пояс в огне бродили живые факелы. Тоже, в общем-то, красиво.

Я толкнул Серафиму на пол, устроился на диване поудобнее и стал стрелять.

Сорок четыре. Скука, скука.

Глава 2

Бросок на Запад

Япет приказал явиться. Но не в кабинет. Обычно он в кабинете беседует, а сейчас к Доктору велел, уровнем ниже. К Доктору так к Доктору, мне сказали – я пошел.

Смердило у Доктора. Как-то... Пельменями. Точно, пельменями.

И на столах четверо лежали, прикрытые пленкой. Дохлые. А Япет у стены сидел, на скамейке. Кивнул, я сел рядом.

Япет он и на самом деле старик, настоящий, я таких и не видел никогда. Морщины, нос длинный, на руках пятна стариковские, пальцы длинные, сухие и волосатые. Раньше все люди такие были. Дряхлели, умирали сами по себе. Вокруг одни старики, я видел фотографии, молодых на них вообще нет почти. Сейчас по-другому, все помолодело. А у Япета даже колени хрустят – он шагает, а колени хрустят, того и гляди рассыпаться начнет, палку использует, чтобы раньше времени не развалиться.

Само собой, на поверхность Япет почти и не кажется. Это понятно, что ему на поверхности делать – он там и получаса не продержится, поверхность для молодых, для нас. Хотя некоторые, ну тот же Петр, рискуют. Но Петр в хорошей форме, мне с ним, наверное, не справиться, ну если без оружия, конечно.

Минут пять молчали. Доктор курил, Япет жевал карандаш, я на столы поглядывал. При чем здесь эти трупы? Или я вчера кого не того поджарил? Серафима уже донесла бы, я ее видел, вся синевой светится...

А может, из-за самой Серафимы. Нажаловалась. Что я ее поколотил. А я ее не просто поколотил, я ей сначала жизнь ее бессмысленную спас, а затем уже поколотил. Она мне должна, если бы не я, ее бы уже где-нибудь в подвале доедали...

Почему все-таки к Доктору? Прививки рано еще делать, а насчет остального можно было легко в кабинете побеседовать.

Значит, все-таки трупы.

А если трупы, то чего молчать? Нет, Япет старик, конечно, мудрый, но все эти его воспитательные паузы...

Я выразительно вздохнул и сразу же еще более выразительно зевнул, ноги вытянул.

Япет достал книжку и прочитал без выражения:

– Есть люди, есть нелюди. Твари,двигающиеся сквозь мир лишь попущением Божьим, шлак, ходячие язвы. Отсеки их, чтобы не повредили они малым сим...

Посмотрел на меня.

– Так?

– Так, – ответил я. – Отсеки. То есть отсечь надобно. С полной безжалостностью, под самый корень. А потом еще порохом. Или каленым железом. Чтобы зараза не распространилась. Вот вы пальцы отмораживали?

Я люблю неожиданные вопросы задавать, это с него мудрость сбивает. Вроде бы мудрый-премудрый получается, а пальцев не отмораживал. А я ему напоминаю – есть, мол, и другая правда, более правдивая.

– Нет... – растерянно сказал Япет.

– Вот видите, – вздохнул я. – А если бы отмораживали, то знали бы. Начинает палец чернеть – тут его и надо отпиливать. А если не отпилить, то и рука начнет гнить, и человек целиком сгинет из-за какого-то бестолкового пальца. Чем раньше вжик, тем здоровей мужик.

Япет закашлялся, бедняга, это все от курения, пагубное пристрастие.

– А вы что, думаете, что не надо отсекасть? Пускай гнивает?

– Да нет, надо, наверное... Просто...

Я сделал оловянные глаза, пялился совершенно бессмысленно. Япет стал читать дальше:

– Есть люди, а есть нехорошие люди, помеченные тьмой, соблазняющие малых сих...

Да... Имя им легион, грешники, падшие черные овцы. Узнать черную овцу легко, узнай ее по делам ее. И да будет тверда твоя рука, вырежь ее из стада, ибо если будешь мягок ипустишь в сердце свое ложное добро, скоро и остальные овцы покроются паршой, и вынужден ты будешь забить их всех...

Япет посмотрел на меня.

– Правильно?

– Правильно, – ответил я.

Япет вздохнул. Постучал пальцем по обложке.

– А что, вам что-то не нравится?

Старик пошевелил бровями, седыми и кустистыми. Ну и пусть себе шевелит. Я на эту книжку, между прочим, почти неделю потратил. Сидел за машинкой, набивал, набивал, все пальцы чуть себе не протер. А еще месяц до этого сочинял. То есть вспоминал, что мне Гомер рассказывал. Чтобы даром не пропало, чтобы опыт передать. Раньше древние всегда вот так и делали – чуть какой опыт накопится – они сразу книжку сочиняют. Чтобы потомкам перешло. Вот и я. Вспомнил, записал. Опыт. Наследие, вроде.

– «Наставления в Правде», – прочитал Япет. – Однако...

– А что? Наставлять надо только в правде, во лжи не наставление получается, а растление душ сплошное.

– Но у тебя тут... – Япет обмахнулся книжкой. – Выжечь, вырезать... Да не дрогнет рука, да не иссякнет усердие...

– Ну да, – опять согласился я. – Да не иссякнет, это само собой. У меня усердия на восьмерых хватит.

Это, наверное, Серафима. Она передала, вряд ли Шнырь стал бы. Серафима, она меня не любит.

– А Облачный Полк? – спросил Япет.

– А что Облачный Полк?

– Ты пишешь: «Затрубят златокованные трубы, и подастся твердь, и сойдет вниз, сияя алмазной броней, Облачный Полк, и побежит погань...» Ну и так далее.

– Все так и будет, – кивнул я.

– А тебе не кажется... – Япет почесал бороду. – Не кажется ли тебе, что ты внушаешь вот этим... Необоснованные надежды?

– Лучше необоснованные надежды, чем обоснованная безнадежность, – твердо сказал я.

И красиво, Гомер учил выражаться красиво, мужественный юмор помогает в бою, так он всегда и говорил.

Япет запутался в бороде пальцем, уставился на меня, как волк на волкера. Приятно. Они все тут думают, что если я из Рыбинска, то и дикий совсем. А я не дикий, я способный. Я времени зря не терял, развивался. И книжки разные читал, и с людьми разговаривал, тут есть с кем поразговаривать, взять безногого – говорун лучше не придумаешь, как говорит – заслушаешься, мозг затрясется. Правильно, с оборотами разными, как раньше люди говорили, вот если бы ему пальцы вовремя отрезали, сейчас бы бегал как новенький.

– И ты в это веришь? – спросил Япет.

– Да.

– Что воды разойдутся по мановению руки? А облака изменят свой бег?

Доктор кашлянул.

– Чего? – не понял я.

– Вера – это прекрасно, – сказал Япет. – Она всем миром двигает...

– Точно.

– Понятно, – Япет оставил бороду в покое и книжку мою в покое оставил. – Понятно все. А как вообще?

– И вообще нормально, – ответил я. – Вчера зачистили третий выход, вынесли двух шейкеров. Еще какая-то дрянь объявилась, не успели, сбежала. Проверили секретки, ловушки насторожили, все как полагается. Патронов много ваши расходуют, стреляют почему зря, а это нехорошая привычка, сами знаете. Вы им скажите, а то они меня не слушают.

– Кто у тебя?

– Серафима и Шнырь. Проныра то есть. Вы же знаете...

– Знаю? Наверное... Как они? Вообще?

Про Серафиму и Шныря он каждый раз спрашивает, а я ему каждый раз отвечаю. Почти всегда одно и то же.

– Так они. Совсем бестолковые, а бить их нельзя...

– Да, – кивнул Япет, – бить нельзя...

Бить их нельзя, это их может обидеть. А то, что они суются куда не следует, то, что голову в любой момент им снести могут, это их не обижает.

– Бить человека нельзя, ему и без битья плохо живется, – сказал Япет поучительно. – Но я с ними поговорю. Чтобы дисциплина была, ну, и... И дисциплина. Как с четвертой базой?

– Работаем. Сделали четыре ходки. Продовольствие, вода, патроны, лекарства, все как надо. Готовимся помаленьку. Сами знаете, времени мало, работы много. А тут еще эти смерчи. Кладбища расковыряли, мрецы лезут, как тараканы по осени, я вот целую неделю на кране просидел. А Серафима...

– Что Серафима?

Хотел я на вчерашнюю ее глупость пожаловаться... Но не стал. Получается, что я на девчонку жалуюсь, тьфу.

– Серафиме надо больше в стрельбе упражняться, – сказал я. – Она сплетница и склопница, а стрельба от этого помогает.

– Ладно, я ее направлю.

– Направьте, направьте.

Мы готовимся к Броску На Запад. К БНЗ. Это самое важное. От этого зависит будущее, Япет прямо так и говорит. Там, на Западе, все. Техника, лекарства, оружие, склады. Здесь запасы уже истощаются, все, что нашли, уже подобрали, разграбили, сожгли, а там...

Там всего много.

А еще там ответы на вопросы. Которые гораздо важнее оружия и антибиотиков. Вот и готовимся. Пробраться туда. Нет, некоторые одиночки там уже побывали, но толком рассказать ничего не смогли. То ли недалеко заходили, то ли мало видели. Надо хорошо проникнуть, плотно, массированно, взять Запад за жабры... Бросок, короче.

Хотя с кем бросаться, я, честно говоря, не вижу – народа на Варшавской много, но все это не тот народ. По большей части. Есть человек пять, если Петра считать, крепкие мужики. И стреляют неплохо. Но уже не очень быстрые. Здесь, на Востоке, это решающей роли не играет, на Западе такое не пройдет. Между жизнью и смертью всегда полсекунды.

А остальные... Небоепригодные особо. Расслабленные. Что Серафима, что Шнырь, что остальные. За МКАДом дня бы не продержались. Отдыхать любят, ноют все время, без завтрака на поверхность не выбирают. У них пинг-понг даже есть. Внизу, в кают-компании. Стол, ракетки, шарики. Я как первый раз увидел, думал, болезнь какая. Дрыгаются, пыхтят. Потом я уже понял, что так оно и должно все быть. С пинг-понгом. Человек прошел через дебри для того, чтобы играть в пинг-понг, греметь на гитарах и рисовать картины. И в пинг-понг я выучился, причем довольно неплохо, картины теперь рисовать начну, точно. Но все равно, при подобном воспитании и общей расхлябанности думать о походе на Запад рано.

Далеко не уйдем. Но все равно готовимся, базы создаем, пути разведываем. Одно непонятно – что искать там, на Западе? Мне кажется, что Япет сам толком не знает.

– Времени мало... – Япет грыз карандаш. – Мы даже не знаем, сколько. И есть ли оно вообще...

– Есть, – уверенно сказал я. – Нас без времени бы не оставили. Часы-то тикают, значит, время есть.

– Ну да, – улыбнулся Япет. – Петухи кукарекают, солнце восходит... Это серьезно. Гораздо более, чем тебе кажется. Ты же знаешь, мы туда последние два года пытаемся пробраться. А четвертая база совсем рядом с Фианом...

– Да не переживайте вы, – довольно нагло перебил я – это оттого, что тоже распустился. – Все пройдет нормально. Там на самом деле рядом, в бинокль видать. Спокойно сходим в этот ваш Фиан, посмотрим, что там, как там. Это ведь и не Запад почти.

Япет вздохнул. Головой покачал.

– И ты туда же. А ты знаешь, что мы туда двоих посылали? И оба не вернулись?

Япет попытался придать голосу тверди, не получилось, не Гомер. Конечно, не Гомер.

– Так это когда было-то? – сказал я. – Сколько времени прошло? Три года? Четыре? Вы не переживайте, я там пройду. Я куда хочешь пройду, никто меня не остановит. Только этих ко мне не цепляйте, а? Пройду. Только без Серафимки и без Шныря. Потому что они... Они бестолковые! И только мешаются. Вы меня от них на месяц освободите – и я вам и в Фиан, и куда хотите...

Доктор закашлялся. Они начали переглядываться, и я вдруг окончательно понял, что они меня сюда не просто так пригласили. Дело есть у них.

И Япет сказал:

– Мы как раз по этому поводу.

– В Фиан? Могу хоть завтра.

Действительно, могу, надоело сидеть тут без толку, в стрельбе практиковаться, жир накапливать, в стрельбе я и без этого мастер, а от жиру мысли ненужные заводятся, ну их.

– Как раз по этому поводу, – повторил Япет. – Доктор, покажите.

Доктор поменял папироску, направился к столам.

– Осябя. Хват. Перебор.

Доктор закурил, втянул дым, жадно держал в себе, не выпускал. От нервов курит. Хотя они все тут курят, лохматая Серафима и то. Поганая привычка, несомненно.

– Осябя.

Доктор сдернул черную пленку.

Осяблю я не очень хорошо знал. Здоровый мужик, нечего сказать. Весь стол занимает, руки свисают. Глаза выкипели.

– Хват.

Та же картина. Кожа красная, в желтых гнойных волдырях. Но странные волдыри какие-то.

– Перебор, старший группы.

Перебор, он на аккордеоне играл. Теперь не поиграет.

Четвертый. На крайнем столе. Про четвертого Доктор ничего не сказал. Безымянный герой, что ли?

Япет уселся на раскладной железный стульчик, расположил перед собой такой же раскладной железный столик, разгладил карту.

– Вот тут их нашли, – ткнул карандашиком. – Одежда цела, оружие, а сами... Изнутри будто сварены.

– А четвертый? – спросил я.

Доктор поглядел на Япета, тот кивнул. Доктор сдернул пленку.

Четвертый был голым. Совсем.

– Перед группой Перебора стояло задание проникнуть... – Япет замолчал. – Вот сюда. Он отметил на карте. Запад. Ближний Запад, но все равно...

– А почему...

– Не перебивай, – сказал у меня из-за спины Доктор.

– Хорошо.

– Ты, наверное, заметил, что этим летом жарко, – Япет вытер лоб, точно и здесь жарко было, а тут не жарко, скорее прохладно. – Аномальная жара. И аномальное количество смерчей.

– Заметил.

– Возможно... – Япет пожевал карандаш. – Мы предполагаем, что это... Не совсем природные явления.

Интересно, подумал я, а он хоть раз настоящий смерч видел? Вблизи? Когда по воздуху летают тяжеленные старинные грузовики, а дома складываются, как картонные коробки? Вряд ли. Не совсем природные... Это что, смерчем управляет кто-то? Вряд ли смерчем реально управлять.

Подумал я, но промолчал.

– По нашим данным, вот здесь, – Япет ткнул карандашом в Запад. – Вот здесь, да... Раньше располагался центр управления погодой. В этом районе. И не исключено, что кто-то взял его под контроль. Перезапустил. Мы предполагаем, что там, в районе зоопарка, располагалась колония выживших. Причем большая и технически продвинутая. Отряд Перебора должен был установить контакт.

Я взглянул на Перебора и на его группу. Контакт явно не пошел им впрок.

– Команда должна была вернуться четыре дня назад. Но не вернулась. По маршруту отправили поисковый отряд...

Поисковый отряд. Чтоб у нас за кем-то поисковый отряд отправили – небывалое дело, наверное, на самом деле что-то важное.

– Два дня назад поисковый отряд наткнулся на группу Перебора. И на четвертого.

Четвертый.

– Поближе подойди, – сказал Доктор.

– Зачем? Что я, мертвяков не видал, что ли...

Япет вздохнул разочарованно, я подошел. Здоровый. Здоровый вареный мужик...

Не вареный. Глаза не выкипели, кожа целая, дырка на груди. Прямо в сердце. Значит, убили. Белобрысый какой...

– И что? – не понял я.

– Они рядом лежали. Друг от друга. Метрах в десяти. Эти...

Доктор указал на наших.

– Эти сварились, а этот нет. Не кажется странным?

– Ну... Может, он... Огнеупорный.

– Обычный. А пуля...

Доктор закрыл тело.

– Пуля выпущена Перебором. Мы предполагаем, что чужой каким-то образом убил наших, но Перебор успел застрелить его самого.

Отлично. Все друг друга убили. Лучше не бывает.

– И как же он... – я кивнул на чужака. – Каким оружием?

Япет сунул руку в карман, достал коробочку. Черную, с синим экраном.

– Это ей, что ли?

– Это навигатор, – сказал Япет.

– Что? – не понял я.

– Навигатор. Мы предполагаем, с помощью него управляют спутником. Правда, похоже, он не рабочий, пуля задела. Но, наверное, нетрудно его починить.

Ну да, спутники. Навигаторы. В небе болтаются спутники, на них мертвецы, очень весело, плюют нам на голову.

– Зачем нам управлять спутником? – спросил я.

Я вообще очень плохо знал, что из себя спутник представляет, что он там в небе делает. Да и не верил я в эти спутники, если честно.

– Видишь ли... – Япет почесал бороду. – Это...

Он кивнул на тела.

– Это, скажем, не первый случай.

– То есть? – опять не понял я.

– То есть шестой, – ответил за него Доктор. – За последние полгода. Шестеро сварились. На ровном месте. С этими уже девять.

– Ага, – я почесал голову. – Наши сварились, а этот не сварился, и теперь вы думаете, что он управляет спутником?

Доктор и Япет промолчали. Считают.

– А спутник-то при чем? Он, что ли, сжег?

Япет сделал задумчивое лицо.

– Понимаешь, Дэв... – опять стал бороду трепать. – Мы считаем, что спутник – это как раз часть погодной установки. Те, кто нашел, как им управлять, используют его как оружие...

– А я при чем?

Япет сунул руку уже в другой карман. Сейчас он покажет мне, при чем я. Листок бумаги. Карта.

Самодельная.

– Если это оружие и если чужой мог им управлять, то... То сам понимаешь.

Понимаю. Таким спутником что хочешь выжжешь. Кладбище, например. Спалить – и уже никто не поднимется. Да все, что угодно! Можно здорово территорию зачистить...

– Этот человек отмечал свой путь, – сказал Япет. – Откуда он вышел и куда направлялся.

– И откуда он вышел?

И снова Япет ткнул в карту. В ту же самую точку. В зоопарк.

– Совпадение более чем странное. Угрожающее. В случае, если эта община настроена к нам враждебно, придется принимать особые меры... Нам нужна информация. Что и как. К сожалению, у Перебора ничего не получилось...

– А почему я?

– Метко стреляешь и быстро бегаешь, – довольно грубо ответил Доктор.

– Сложная ситуация, – вздохнул Япет. – Смерчи вскрыли кладбища, приходится много времени проводить на поверхности, все люди заняты. А если этот спутник зависнет над нами...

Придется переселяться под землю. Окончательно. Окрысиваться.

– Это опасно, – сказал Доктор. – Ты можешь отказаться.

Это он специально. Чтобы я не отказался. Даже обидно. Я бы и так согласился, на кране сидеть надоело просто до невозможности.

– Задание чрезвычайно сложное, – Япет взял меня за руку. – Но не невыполнимое – на Запад люди проникали неоднократно. А этот чужой человек... Он смог пробиться к нам. Твоя задача – добраться до места. Только добраться. Провешать путь, составить свою карту, отметить ночлеги, отметить опасности. Посмотреть. Ничего и никого искать не надо, просто посмотреть. И сразу обратно. Ясно?

Ясней не бывает.

– Больше ничего не предпринимать, – это сказал уже Доктор.

– Добраться до зоопарка – и все?

Доктор и Япет кивнули.

– И все? – спросил я с разочарованием.

Доктор затушил папиросу о ладонь.

– Это не так просто...

– Ерунда, – отмахнулся я. – Если прошел этот белобрысый, пройду и я. Туда-обратно. Все просто.

– Хорошо, – Япет улыбнулся. – Если вдруг по пути...

– Конечно, – я улыбнулся в ответ. – Если опасность будет непреодолимой, я поверну. Обещаю.

Я поднялся.

Япет поглядел на меня с вопросом. Ну да, понятно.

– Гораздо лучше, – сказал я. – Доктор считает, что динамика налицо.

– Прямо так он и считает? – с недоверием поинтересовался Япет.

Доктор промурлыкал неразборчивое.

– Да, точно, – сказал я. – Она крысу приручила.

– Крысу приручила?

Я кивнул. Алиса действительно приручила крысу. Не знаю, каким боком там крыса оказалась, но Алиса ее приручила. Теперь откармливает. Надеюсь, что просто, без целей. Здоровая уже крыса, наглая. Вчера заходил, а она на меня так смотрит... Недружелюбно.

– Ладно...

– Она безвредная совсем, – сказал я. – Алиса то есть. Клетка крепкая, я сам каждый день проверяю. Можно, если хотите, двойную сделать.

Япет молчал. Доктор курил.

– Безвредная... – повторил я.

– Ничего себе безвредная, – Доктор выпустил под потолок дымное кольцо. – Скольких она там? Или уже забыл?

Я не забыл. Темные коридоры убежища на Варшавской, люди мертвые. Много мертвых. Темнота, звуков никаких. Но она ведь...

Я хотел сказать, что Алиса не виновата. Настоящая Алиса, она веселая. Хорошая добрая девушка, сколько раз мне жизнь спасала. А потом это чудовище... Ведь с каждым могло случиться. Она на самом деле не виновата. Она мне уже почти...

– Она изменилась, – сказал я. – Ее можно вылечить, Доктор сказал, что никаких видимых изменений...

– Это потому, что определить не получается, – заметил Доктор. – Но она не изменилась. Ты видел прутья клетки? Она их вырвала почти с мясом. Это существо... Она уже не Алиса. И уже не человек, Япет прав. И она опасна, ты не можешь этого отрицать.

Но я отрицал.

– Она даже полезная, – продолжал я. – В том месяце один в рогатку влетел, лепешка осталась. А сейчас уже ходит, как новенький почти. Это же неправильно вот так ее...

– Да не собираемся мы ее ликвидировать... – сказал Япет устало. – Можешь не переживать. Только без толку все это.

– Ничего не без толку.

– Ну, – Доктор выпустил дым. – Конечно, на нашем техническом уровне сложно делать прогнозы. Вот если бы хороший микроскоп, должное оборудование...

– Она не человек, – напомнил Япет.

Доктор пожал плечами.

– Это еще не доказано.

– Не доказано... – усмехнулся Япет. – Ладно, иди. Нет, постой. Тут некоторые говорят...

Япет замаялся.

Все же он очень стеснительный старик. Другой бы уже несколько раз на меня наорал или за уши оттащил бы за непочтительность, а этот ничего. Улыбается, сомневается. Нет, он наверняка не зря в руководителях, руководитель должен сомневаться, но строгости ему чуток не хватает. Без строгости вожаку нельзя.

– Вот я слышал, что ты... Как бы это сказать... Предлагал Серафиме какие-то зажимы...

– Вериги, – подсказал я.

– Да, вериги. Ты считаешь, что это благо? Ну, все вот эти ущемления? Цепи, колючая проволока...

– Да никакой проволоки! Это только совсем праведные могут проволокой обматываться! А для начинающих как раз вериги, я могу показать...

– Не надо! – Япет вздрогнул. – Я в общих чертах представляю...

– Это очень полезно. Укрепляет здоровье, причем очень сильно, если хотите, я вам тоже сделаю...

– Готовься к выходу, – оборвал меня Япет. – Завтра. Выйдете прямо с утра...

– Выйдете? А кто еще? Только не Серафима! Она вообще...

– С тобой пойдет Курок.

Удачный день.

Глава 3

Поход

Запад чувствуется. Чем ближе к Центру, тем сильнее. Сизота там будто стужается. И вообще...

Мне даже смотреть туда не хочется. А Курку, наоборот, интересно. Едва на рельсы выбрались, сразу стал туда пялиться. Хотя чего там особо выглядывать, дым и есть дым. Вообще этот отрывок пути, от выхода до моста, стоило пройти побыстрее, здесь ближе всего к Западу, всего несколько сотен метров, нечего раньше времени соваться.

Но Курок не торопился.

Лениво так шагал, жевал гудрон. Тут многие жуют. Дрянь, даже если правильно сварить, зубы застревают. И чернеют, у Курка черные.

Вот уже почти три километра я думаю, зачем его ко мне прицепили. Этого увальня. Я с ним почти не знаком, пару раз в коридорах пересекались. Ничего про него не знаю, вообще, кажется, он технарь. Народа у нас мало, а все равно разобшение. Как раньше.

Хотя нет, уже знаю много. Все время жует, курит и рыгает. Омрачает путешествие. Только я начинаю о чем-нибудь возвышенном думать, как он сразу за свое. То икает, то рыгает, то черной гудронной жижей плюется.

Снаряжен кое-как. Шлем к поясу пристегнут, на голове берет, под беретом волосы. Длинные, чуть ли не до плеч, грязные, кое-где свалившиеся в косички, смотреть противно, из-под берета все время вываливаются, как толстые черные пиявки.

Болтает еще, не замолкает.

– Груздь помнишь? Он рассказывал, что видел, вообще убьешься. Действительно, редкое зрелище, слышь?

– Слышу.

– Он видел их. Здесь.

Курок подпрыгнул на рельсе.

– Здесь.

– Кого?

Хотя я знал кого, Курок мне уже сообщил, еще с утра. Про сумеречных тварей. Сумеречников. Сумраков. Тех, про кого слышали все, но никто не видел. А те, кто видел, уже рассказать не могли. Легенды подземелий. Почему все придурки с черными зубами так обожают легенды подземелий?

– Он шагал к Варшавской оттуда...

Курок указал в сторону моста.

– И почти в этом месте был, как вдруг смерч. Просто ниоткуда возник, вот как позавчера, только с гвоздями...

Смерч с гвоздями, или с железками какими – легко опознать по молниям. Лучше от молнистого подальше, конечно, держаться, даже не подальше, а поглубже, чуть зацепит – в фарш перемелет.

– Груздь сразу дренажку заметил, туда забился. А смерч что-то застоялся, над поездом работал, пыль потом потекла, Груздь противогаз надел и уснул от этого. Проснулся, уже когда солнце заходило. И сразу увидел – как они появляются. Сумраки. Они прямо из стен появились, вдруг. Приволокли одного дядьку...

– Курок, – перебил я. – Я всю эту дрянь не намерен слушать...

– Знаешь, Дэв, мне пофиг. Намерен ты, не намерен. Не намерен – прыгни в люк. Можешь не слушать, твои проблемы. Меня мама в детстве в скороварке хранила, чтобы не сожрали

раньше времени. И один раз с другой кастрюлей перепутала. Я вообще дурак, сам понимаешь, мне ерунду молотить можно. Вон там...

Курок указал в сторону запада.

– Там их территория. Эти сумраки – они только внутренними органами питаются. Сердце, печень, легкие... И за этим сюда ходят, у себя они всех людей уже сожрали...

Курок вдруг замолчал. Пожал плечами, посмотрел направо, выплюнул гудрон, достал папиросу.

– Раскаркался что-то... Знаешь, отчего эта гарь?

Курок понюхал воздух.

– Это земля горит. Вокруг все горит, и скоро до нас доберется. Тогда-то конец света и наступит. Однозначно.

– Это просто лес горит, – сказал я. – Жарко, вот и горит. Такое часто случается.

– Весь мир выгорит, – не услышал меня Курок. – Когда очень горячо, даже воздух начинает гореть. Воздух кончится, и мы все задохнемся.

Последнее Курок произнес с каким-то удовольствием.

– Сейчас обкусанный поезд начнется, – сообщил он. – Вона. Три недели назад еще необкусанный был, а на прошлой неделе уже обкусанный.

Поезд действительно показался, и последний вагон срезан, точно его скусил кто-то большой, зубастый. Курок наклонился и поднял горсть блестящих гвоздей. Откуда гвозди? Ну, когда головастики из туч, или кровавый дождь, или снег летом, я понимаю, как это происходит. А гвозди...

Мертвецы еще падают, а люди варятся вкрутую.

– Я же говорил! Это тут и произошло. Вот прямо на этом месте... а, плевать, прыгни в люк...

Двинулись вдоль состава. Не только последний вагон был скушен, но и остальные раздгераны, хорошенько над ними поработал. Кто-то.

Курок продолжал про сумраков.

– Сумрак он тоже когда-то человеком бегал, только с некоторыми отличиями. Некоторое генетическое отклонение, пальцы на руке всегда срастались, и кости гнили, и кожа гнила. Раньше это лечили, а потом перестали, неразбериха началась. А кости у них все болели и болели...

Добрались до моста. Две железные дороги пересекались, наша уходила к центру, другая текла на запад и северо-восток.

– Вот здесь их больше всего и встречается, – Курок ткнул пальцем. – Именно вот под этим мостом. Они мясо любят... Знаешь Шныря? Он сома поймал. Подземного, само собой. Достал из этого сома пузырь, надул его горячим дымом, а снизу крысу привязал, не придурок ли?

Голова заболела. Сильно. Думал избавиться от скуки и Серафимы. От Серафимы избавился, теперь Курок есть. Еще лучше, еще веселее.

Сползли по насыпи. Под мостом стояла древняя ручная дрезина, с колесами, с рычагами, свеженькая.

– Ух ты! – Курок ткнул пальцем. – А я думал, сказки! А она существует...

Он тут же поспешил к тележке, забрался на нее и начал дергать за ручку. Дрезина принялась издавать восклицательные звуки, чрезвычайно пронзительные и живые, мне страшно даже как-то стало.

– Это она, адская телега! – орал Курок. – На ней черти грешников прямо в ад забирают! Идиот какой-то.

Сколько мечтал о настоящем деле и вот домечтался. Иду в зоопарк с придурком. Отлично. С другой стороны...

С другой стороны, задание важное. Если действительно есть боевой спутник, которым можно управлять...

Только зачем ко мне этого идиота прицепили?! Уже надоел! Я его...

Я выдохнул и стал читать тропарь смирения.

После чего решил больше не думать. Зачем? Жизнь расставит все на свои места, она всегда всех по нужным полочкам сортирует.

– Слушай, Дэв, когда вернемся, ты поговори с Япетом, ладно?

– О чем?

– Ну это... Чтобы паек нам усилили. Мы же жизнью идем рисковать, нам положено.

– Поговорю...

– Нормально. Старик тебя, кажется, уважает.

– А ты чего вызвался? – спросил я.

– Я? А фиг знает... Чего-то решил, прогуляться, что ли...

Не понимаю. Что-то я ничего не понимаю. Ладно, поживем.

Курок дернул за ручку дрезины еще несколько раз, дрезина не ответила никакой взаимностью, Курок спрыгнул, вернулся ко мне.

– Смотри, – Курок протянул руку.

Очки.

– На дрезине лежали.

Курок натянул очки на нос и сразу стал выглядеть умнее. В очках, в берете.

– Глаза болят, – Курок снял очки. – А в общем, ничего... Это та самая, наверное.

– Какая та самая?

– Дрезина Смерти, ты что, не слышал? Она увозит людей на Запад, а потом возвращается вся в крови! Но это все вранье...

Курок был явно разочарован.

– Никуда она не поехала, – сказал он. – Ни крови, ничего, только очки эти.

Дрезина скрипнула, Курок вздрогнул.

– Кто-то на ней ездит, – сказал я. – Возможно, бомберы... Или другие, те, кто выжил...

– А, плевать. Пошли дальше, жрать охота, тут попрыгун скоро, до него лучше не жрать.

Впрочем, по этой дороге нормально продвигаться уже не получилось – метров через триста начинались поезда. Они стояли друг за другом, сливаясь в бесконечный состав. Черные, выгоревшие на солнце. Я видел старые фотографии, с этими самыми поездами. Как они тут раньше стояли, после того как попрыгун возник. Новенькие зеленые вагончики, только-только покрашенные, блестят. И мертвецы. Целые вагоны мертвецов. Стоят. Плотно стоят, друг за дружку цепляются, упасть не могут. Не верится просто. Япет объяснил. Людей раньше было много, больше, чем нужно, и все они в городе не помещались, как ни старались. И каждый день из загорода ездили внутрь кольца. Кто на обычных поездах, кто на подземных, кто на машинах, а некоторые и на кораблях приплывали. И везде впритык все стояли, чтобы больше влезало. Вот здесь тоже. Поезда. Ехали, а как в попрыгун попадали, сразу все и умирали.

Так потом и стояли, мертвые. Постепенно, конечно, гнили, падали, потом время прошло – лета-зимы, солнце-мороз, и костей не осталось. Страшное место. А попрыгун здесь до сих пор остался, даже разрастается, тоже постепенно, метра на два в год.

– Стоим, – сказал я.

Остановились.

Попрыгун начинался сразу за двойным скрещенным столбом. Чтобы кто-нибудь посторонний, забывчивый или просто дурак не сунулся, столбы были обвешаны знаками, в той или иной степени изображавшими смерть и прочие запреты. В основном черепа, пробитые молниями, черепа с перекрещенными костями, надписи «stop», знаки, изображающие две ступни,

перечеркнутые красной линией, и большой белый квадрат с устрашающим черным зайцем – чтобы все видели, что попрыгун.

Сам попрыгун никак не выдавал присутствия, такая же сухая трава, рухлядь разная. Вдоль путей тропинка. Все, ничего необычного. Папа только очнулся, замурчал, завозился, шерстью зашевелил. Ну, и труп еще. Метрах в сорока. Воняет, слышно даже.

– Трупяк, – указал Курок. – Влетел кто-то. Не наш.

Ясно, что не наш. У нас совсем уж безграничных дураков нет – в попрыгун сунуться. Может, северный какой...

– Северные тоже не дураки, – услышал мои мысли Курок. – Посторонний дурачок, прыгнул в люк, барашек.

– Он что, знаков не видел? – спросил я. – С той стороны тоже есть.

– Может, ослеп, – предположил Курок. – От дурости.

– Запросто мог ослепнуть. На солнце вспышка раз – он и ослеп. И в попрыгун. Вот и поджарился.

– А какая разница, труп как труп, – Курок пожал плечами. – Ясно, что не наш. Да мало ли тут у нас народу болтается, не считаешь. И что?

– Надо, наверное, достать, – сказал я. – А вдруг что полезное на нем?

– Точняк, – обрадовался Курок. – В прошлом месяце Черепах в трубе трупяк выловил, а у него шагомер! Чтобы шаги мерить. Вдруг у этого тоже шагомер?

Курок достал кошку. Кошка у него отменная оказалась, мне бы такую. Титановая, механическая и еще с таймером. От двух до шестидесяти секунд, очень удобно. Устанавливаешь, кидаешь, а она раскрывается уже в нужном месте.

Курок принялся раскручивать кошку над головой, кошка засвистела, и Курок метнул ее в труп. Кошка в труп не полетела, а полетела в столб, попала в знак с ухмыляющимся скелетом и с грохотом его обвалила, застряла за трупом. Курок дернул, тросик натянулся и зазвенел, Курок пустился дергать, извлекая глухие вибрирующие звуки, совсем как в старинной музыке, а я еще подумал, что слишком много что-то сегодня звуков, все звучит – то дрезина, то этот шнур.

Но кошка села плотно, сколько Курок ни дергал, ничего у него не получилось. Отобрал у него трос, сам стал тянуть. Сначала плохо шло, потом, наоборот, заскользил просто. Вытянул труп за столб. Курок снял автомат.

– После попрыгуна никто не выживает, – усмехнулся я.

– А этот может, выжил. Воняет, как Паша...

Кто такой Паша, я не стал спрашивать.

– Не выжил.

Это сразу видно. Распухшее туловище, поломанные ноги, ботинки... Странные, я таких не видел – будто с когтями железными.

– Надо перевернуть. Карманы спереди, ща блевану...

Курок выразительно плюнул.

Я огляделся, отыскал палку, уперся в трупий бок, навалился. Перевернул.

Курок облизнулся.

– Это же... – Курок ухмыльнулся. – Это... шахтер... Самый настоящий! На когти его погляди! Не, я прыгну в люк, дайте люк...

Когти.

Руки. Пальцы срослись, и ладони заканчивались длинными черными когтями, каждая рука – коготь. Лицо тоже, рыло, забранное резиновой маской с выпуклыми фиолетовыми очками, глаз не видно. Да и не хотел я видеть эти глаза, и это лицо, с меня и рук вполне хватило.

Интересно, как они под землей ориентируются?

Папа фыркнул, шахтер ему не понравился.

Каска. Оранжевая, стертая, исцарапанная. На месте этого подземельника я бы все ценное в каске хранил – самое надежное место. Сбил каску. Наружу вывалилась круглая штука, похожая на часы, только без стрелок, и без стекла, и чуть выпуклая.

– Ладно, не все горилле колокольчик...

Курок опустил на колени, принялся шарить по карманам, мурлыкать. В карманах шахтера ничего не находилось, Курок мурлыкал все рассерженнее, потом радостно вскрикнул, извлек коробочку. Красную и плоскую.

Открыл.

Внутри лежали длинные капсулы, прежде чем я успел что-то сказать, Курок уже закинул в рот две штуки. И проглотил.

– Ты чего?!

– А, – отмахнулся Курок, – вряд ли отраву.

Он закрыл глаза, прислушался ко внутренним ощущениям.

– Ничего, – сказал Курок. – Наверное, от глистов. Хочешь?

Он протянул мне пилюли.

– Нет, в другой раз.

– Как знаешь, – Курок спрятал коробку в карман.

И продолжил ковыряться в шахтерских карманах. Следующей вещью был еще один блестящий кругляк, Курок потянулся к нему, пришлось его по рукам – а вдруг это шахтерская граната? Или еще чего хуже.

– Чего...

Я пнул кругляк. Ничего. Не зажужжало. Раньше встречались поганые и гадские штуки, уж не знаю, кто их делал, ножики, допустим. Берешь такой ножик, он красивый, золотистый, достаешь лезвие – и тут раз – бритвы в разные стороны – и пальцев нет уже. Или шар. Блестящий, полированный, смотреться можно, легкий. Тронешь шар – а в стороны иглы отравленные. Кто такой пакости наделал?

Я снял с пояса секиру, подцепил кругляк, отшвырнул в кусты.

– Ну его, – сказал я. – Кто знает... Оно уже давно не в человеческом...

– Интересно, они все такие?

Курок продолжал ощупывать шахтера.

– Надо на обратном пути забрать его, если не сожрут... сожрут. Ладно, мне плевать.

Курок достал карту, отметил место расположения полезного трупа буквой «Ш». Он штурман. У него карта. Нет, у меня тоже есть, но Курок отвечает за выбор курса, мне лень голову загружать. К тому же я не местный.

– Они докопались до преисподней и выпустили дракона, – сказал я. – За это были прокляты и утратили облик Его.

– Да он мутант просто, – зевнул Курок. – Эксперименты тут проводили... Говорят, их специально делали, чтобы Нижнее Метро копать. Вон когти какие...

– Надо пристрелить, – сказал я.

– Зачем? – не понял Курок. – Он жедохлый, как бревно в июне...

– Из прыгуна его вытащили, полежит месяцок – оживет. Одним трупером больше. Мрец-шахтер – куда годится?

Я отобрал у Курка автомат, перевел на разрывные. В шею. Голова шахтера отделилась от туловища, я запнул ее обратно, в попрыгун. Теперь не будет безобразничать.

– Ладно, попрыгали.

– Можно я первым? – спросил Курок. – А то пятки остолбенели.

– Нет.

– Да ладно, Дэв, это же всего лишь попрыгун. Я тут тысячу раз уже проходил. Ничего опасного. Я на одной ноге могу сколько хочешь скакать, хоть до Рыбинска твоего. А? Первым?

Действительно ведь ничего опасного. Семьсот метров, на одной ноге, любой может. Да и ногу можно поменять. А если Курку постоянно все запрещать, он рано или поздно во что-нибудь вляпается. Непременно. Он явно влипучий тип. Пусть идет первым, привыкает к ответственности, а то на всю жизнь дурачком и останется.

– Ладно, – сказал я. – Ты первый. Попрыгали на месте.

Мы попрыгали. Прыгать – это вроде как на счастье. Попрыгать перед прыгуном – обычай. На самом деле, смысл этого обычая чрезвычайно прозрачен – проверить колени и голеностопы. Нет ли скрытых растяжений, надрывов и прочих повреждений, способных в самый ответственный момент подвести.

– Как? – спросил я.

– Порядок. А почему тут бегать нельзя? Когда бежишь, все равно одна нога только на земле.

– Легко движения не рассчитать, – ответил я. – А когда на одной ноге прыгаешь, организму сразу ясно, что на одной ноге будешь скакать – равновесие, главное, удерживать. Давай, вперед, с песнями и плясками.

Курок попрыгал.

Можно прыгать и на двух, но тогда надо прижимать их друг к другу, а это неудобно, лучше попеременно, раз-два-раз. Не торопиться, но и не тянуть. А самое главное – не думать о ногах. Как начнешь думать, какой ногой наступать, сразу и запутаешься.

Больше прыгай, меньше думай. По очереди только, чтобы не запутаться, друг на друга не наткнуться.

Курок прыгал.

Зря мы этого шахтера выволокли, подумал я. Шахтер – он вообще не к добру, подземное существо. Мерзость. Мерзость никогда к добру не бывает, мерзость она к мерзости и тянется...

Курок остановился. Прыгал, прыгал – и вдруг остановился, застыл на одной ноге.

Ступор. Сам я не встречался, но люди рассказывали. Что в прыгуне такое случается. Скачет себе человек, скачет, почти уже доскакал, но тут бац – останавливается. Сначала как бы отдохнуть. Стоит, отдыхает, а потом раз – и чувствует, что не получается у него сдвинуться. Как он ни старается – психика отказывает. Так и стоит. И даже другую ногу приставить не догадывается. Хотя, может, и правильно, в прыгуне лучше всегда на одну ногу рассчитывать.

Я допрыгал до Курка, остановился. На одной ноге, надеяться надо на одну ногу, на каждую ногу персонально.

– Ну? Что с тобой?

– Ничего, – ответил Курок. – Просто думаю. В животе чего-то... Точно таблетки от глистов, зашевелились, паскуды.

– Баран.

– Да ладно, Дэв, нормально все. Знаешь, я однажды у Доктора целый ящик подгузников видел, у него понос...

Курок принялся хохотать.

Я плюнул, попрыгал дальше.

– Мы все сдохнем, – кричал мне в спину Курок. – От глистов. Нас съедят глисты. Всех подряд!

Псих. Зачем Япет навязал мне психа? Может, он тоже псих? Может, они все тут психи.

Курок отсмеялся и попрыгал ко мне. Допрыгал, осторожно поставил на землю вторую ногу, затем упал. Задышал, быстро и громко, достал портсигар, задымил. С видимым удовольствием.

– От глистов помогает дым, – сказал он через минуту. – Они задыхаются... Тут уже недалеко, сто сорок пять километров.

На самом деле недалеко. Чужак двигался от зоопарка. Останавливался четыре раза. Последняя остановка в библиотеке, обведена кружком.

Курок выдохнул дым, оглянулся на попрыгун.

– Дурь это все, – он плюнул. – Прыгаем, прыгаем, а мы и не знаем – есть этот попрыгун или нет. А если нет?

– Ну так проверь, – посоветовал я. – Проверь, попробуй.

– Даже кошка не зафырчала. Кошка должна чують, а он валяется... Как его зовут, а? Блохастер? Вшига? Спокойный, как трупер, ты что, его на транках держишь?

И правда – Папа держал себя вполне умеренно, глаза не засверкали, шерсть не встопорщилась. А коты, между прочим, электричество не жалуют.

Курок курил. Полузакрыв глаза.

– Что делать будешь? – спросил Курок.

– В каком смысле?

– В прямом. Когда найдешь этих, которые спутником управляют?

– Сказали же только посмотреть...

– Ты что, дурилка?

Курок выпустил дым в Папу. Папа закашлялся. И чего они все к Папе привязываются? Просто мимо не могут пройти.

– Ты что, дурилка, совсем ничего не понимаешь? Если научишься этим спутником управлять, ты сразу главным станешь. Главней Япет. Кто такой Япет, вообще? Старый вонючий бобик, вот и все. Указывает, указывает, тошнит давно уже. Я к нему в прошлый раз пришел, дай, говорю, грядку, табак развести, все такое, а он не дал. Приходится на поверхности выращивать. А ведь неизвестно, что там вырастет, покуришь – и все...

Я промолчал. Согласен я был с Япетом. Насчет курения, нечего полезную землю под махорку занимать, пусть лучше помидоры.

– Ты из-за этого пошел? Чтобы спутниками управлять?

– Угу, – кивнул Курок. – А что еще?

– Ничего. Двигаем дальше.

– Не, погоди, может, пожрем малехо, а то у меня от этих таблеток внутри что-то. Глисты бунтуют.

– Потом пожрем, – сказал я. – Послезавтра.

– Так нельзя, Дэв. Нельзя все время идти, может приступ приключиться. Лето-то жаркое. Лето выдалось жарким, действительно.

Город раскалился, бетон выпил воду, трава, кусты и деревья высохли и пожелтели, активная мертвечина почти вся попряталась и выползала только ночью, дни были заполнены тишиной и пылью, ну, мрецы пображивали. Иногда в переулках возникали неожиданные вихри, ветер подхватывал ржавый песок и шелестел им по мятому железу машин, это мне больше всего нравилось. Остановиться в полдень, забиться в щель где-нибудь уровне на пятом, лежать, слушать. Все равно в жару передвигаться много нельзя – солнечный удар поймать, как нечего делать. Лучше лежать. Вечером, кстати, тоже интересно – когда раскаленное царство начинает остывать. Железо и камень трещат и даже как-то подвывают, точно разбуженные грядущей прохладой жрецы, поднимающиеся из нор на вечернюю охоту. Но днем лучше.

– ... Клопов! Я знаю, где они живут! Здоровенные! Этих клопов да Япету в койку! Будет весь искусанный ходить, как собака...

Неужели получше кого не нашлось? Ну почему всегда ко мне этих прицепляют? То Серафима, стрелять не умеет, зато спорит на каждом шагу. То Шнырь, того и гляди убежит куда. То этот...

Курок. Окурок. Укурок. А ведь на самом деле Курок – это ведь скорее всего сокращение. Окурок. Почему у меня всегда Окурок?

Глава 4

Выдрин пух

– Тут уже рядом, – сообщил Курок. – До того места.

Он сверился с картой.

– Направо.

Повернули направо.

Улица была заполнена пухом. Примерно таким же, какой от тополиного цвета получается, только красивее, к каждой пушинке приделана маленькая сияющая капля. Ветра не было, и пух висел в неподвижном воздухе, покачиваясь и вращаясь, медленно, как часовая стрелка. Как-то все это выглядело ненастояще, вот как снег в стеклянном пузыре.

– Выдрин пух, – сказал Курок. – Не сезон ведь еще вообще-то...

– Жарко, вот и вырос.

Я задрал голову. Самой выдры не видно, ее всегда не видно, притаилась на чердаке или в квартире пустой и расцвела.

– Надо осторожно ходить, – Курок кивнул на пух. – Он на движение летит. Жирный уже, может и слипнуться... Смотри.

Курок подобрал камень. Осторожно, без резкого замаха швырнул в скопление.

Булыжник сбил несколько пушинок, другие вдруг пришли в движение, как будто схлопнулись, и вот уже вместо камня по асфальту катился небольшой пушистый шар.

– Потом три часа выбирались бы, – усмехнулся Курок. – А эти капли еще и едучие, всю рожу бы разъели... Знаешь Валеру? Она из этой пакости носки вязать умеет. Вот к ней Япет приходит и говорит: Лера, всем известны твои носки, а трусы тебе не трудно связать? Валера отвечает: нет, не трудно, только он же едучий, сами знаете, можно пострадать. Одно дело пятки, другое дело... А Япет и отвечает: да мне это не страшно, у меня пять лет назад все уже отвалилось... Давай, потихоньку.

Мы двинулись через выдрин пух. Неприятная штука, аккуратнее надо с ней. И капельки эти жгучие, и сам опасный, легко в такой ком закататься, что и не вылезти. Хотя и польза есть – из капель горючку добывают. Причем хорошую очень, медленную, долго горит, и горячо очень, если требуется, к примеру, сейф прожечь. Если бы в сейфах что-то ценное лежало, то и прожигали бы, а то там, в сейфах, дребедень одна обычно. Алмазы, золото. Нет, конечно, от золота тоже польза есть. Если вот желудок прихватило, то надо делать вот что: столовую ложку золотого порошка, ложку спирта, ложку меда. Все смешиваешь и глотаешь. Помогает здорово. Или зубы золотые делать, короче, от золота польза есть, а алмазы только на блесны годятся, подземных рыб удить. Петр пытался как-то алмазную броню построить, красиво получилось. Непрактично только. Тяжело, блестит здорово.

Я шагал первым. Пух касался одежды, покачивался над головой, складывался в узоры. Говорили, что при определенных условиях пух образует огромные сети-ловушки. И стоит какому-нибудь неудачнику в эту сеть забрести, как срабатывает спусковой механизм, что-то щелкает – и весь пух устремляется к тебе. Химические ожоги, удушение, переломы, почему выдра – непонятно.

Улица выдрины пуха осталась позади, удивительное разнообразие все-таки погани, подозрительное разнообразие. Точно сидит где-то в подвале психопат и придумывает все это омерзительное великолепие. Мы остановились посреди дороги и стали стряхивать пух, осторожно.

– Зебру знаешь? Ну, рожа у него полосатая еще, он в рогатку попал, и его в колючку зашвырнуло. Так вот, он наделал из выдрятника самогона и нажрался. А если из выдрятника

пьешь, надо углем сразу закусывать, а у него уголь кончился! Ему все кишки и прожгло! Доктор ему резиновые вставил, из клизмы. Теперь можно спокойно нажираться.

Зебру я знал, рожа у него действительно полосатая.

– Слышь, Дэв, а что это Серафима вчера с синей мордой, а? Ты настучал?

– Она с лестницы упала, – ответил я. – Слишком залюбовалась своей красотой, вот и обвалилась. Лицом ушиблась.

– Ага, знаю я, как лицом ушибаются. Она Япету, небось, наболтала. Поговаривают, что она Япетова внучка, между прочим.

– И что?

– Как что? Не въезжаешь? Ты настучал по морде внучке начальника, а на следующий день тебя в зоопарк отправляют. Туда дойти нельзя, это стопроцентно. Так что на полпути ты развернешься и воротись с позором!

Курок руки потер даже, видимо, представил, как я вернусь с позором.

– Вот почему нельзя напрямик идти? – Он достал карту. – Гораздо ближе ведь получится, вот так. Нет, придумали какие-то зигзаги. Зачем на север, а?

– Вдоль кольца всегда удобнее пробираться. И заблудиться сложнее.

– В Москве вообще заблудиться нельзя, это не Старые Блевотины. Тут либо кольца, либо проспекты... А, что тебе говорить...

Курок собрался произнести еще что-то, но не получилось, чихнул от пыли, резко вдохнул, несколько пушинок ворвались в легкие. Курок замер. Лицо покраснело, затем посиренело.

Он закашлялся, сильно и неприятно, я попробовал похлопать по спине, но Курок отодвинулся, не любит, когда до него дотрагиваются. Частый недуг среди наших – это оттого, что под землей живем. Подземность на психику сильно действует, да и не на психику – вон, шахтеров вспомни.

– Готов, – сказал уныло Курок. – Теперь она внутри вырастет.

– Кто вырастет? – не понял я.

– Выдра. Знаешь, почему это выдрой-то называется?

Я не знал.

– Ясно, – покачал головой Курок. – Счастливчик... Сейчас я тебе объясню. Вот такая штука в горло попадает, потом в желудок лезет, сидит, откармливается. Потом распространяется, больше становится, а потом все и выдирает.

– Что все? – спросил я.

– Кишки, – Курок достал красную коробочку. – Всякий знает, что выдрин пух нельзя вдыхать...

Курок вытряхнул на ладонь капсулу, глотать не стал, обратно спрятал.

– Придется теперь на Вышку топать, – сказал он. – Только там мне помогут, только там. На Вышке есть умельцы-живорезы – пузо разнимут, личинки... то есть пушинки вытащат и чревеса тебе промуют марганцовкой...

Курок огляделся.

– Вышка там. Надо срочно пожрать. Знаешь, раньше была поговорка – заморить червяка. Мне требуется срочно заморить червячков, пока они меня самого не заморили...

– Может, тогда...

– Это шутка, – Курок расхохотался. – Шутка. Этого пуха надо здорово наглотаться, чтобы выдра внутри поселилась. Килограмм слопать, не меньше. Давай пожрем, а? А то внутри как-то екает...

Он прав, пора пожевать.

– Ладно, – согласился я. – Давай перекусим.

Курок тут же достал кружку, кинул в нее пищевой кубик, залил водой. Обед. Здесь у них все так – завтрак, обед, ужин, порядок – цивилизация. Там, у себя, я ел, когда получится. Кролика прибьешь – и сыт на два дня, карася прожуеть – и жизнь хороша. Здесь все по-другому, регулярно. Каждый день обязательный витаминный бульон, чтобы энергия повышалась и чтоб с желудком проблем не возникало. Каждое утро белковая скрутка – для тонуса мышц. Иногда я, конечно, жарю крысу или кабана, чтобы не забывать настоящую еду. Кубик, конечно, полезная штука, удобная опять же, но все равно не мясо. И даже не макароны.

В кружке забурлило, пошел пар, Курок понюхал воздух, облизнулся, сунул кружку мне.

– Ешь, давай, – кивнул Курок. – По правилам на обед отпускается двадцать минут, это если без компота.

Он постучал по часам грязным ногтем. Часы – тоже штука полезная, хотя я и по солнцу неплохо определяюсь, но с часами удобнее. Единственный минус – тикают, а у погони чрезвычайно тонкий слух.

– Сегодня рыбный суп, – сказал Курок. – То есть из сушеных головастика. Очень, очень питательный.

В питательности супа я не сомневался, смущали головастики. Конечно, Курок врал, не головастики, рыба, правда, рыба у нас приключается разная. Однажды мы с Шнырем отправились на рыбалку. Почти три часа ползли по тесным трубам, вниз, на двести метров. Выбрались к реке – в широченной трубе катился мощный поток, мы повисли над ним в железной люльке, погасили большой свет и зажгли карбидные лампочки, прилаженные к шлемам. Шнырь достал короткие удочки, и мы опустили в воду крючки с бриллиантами. Клев начался почти сразу, и за полчаса сумеречной ловли мы натягали почти по пуду на каждого. Рыба, правда, попадалась необычная – безглазые прозрачные сомы, с неожиданно красными плавниками, с короткими щупальцами вокруг рта, с острым, как бритва, хвостом. Но на вкус они оказались, кстати, вполне ничего, главное, про вид не вспоминать. Головастики...

Головастики почти как лягушки, есть можно.

Курок наverts супа и себе, мы чокнулись по древнему человеческому обычаю, накрошили в кружки кукурузных сухарей и принялись есть. Привлеченный запахом еды, очнулся Папа, я сунул ему сушеную рыбью голову.

Я ел спокойно, медленно, чтобы усваивалось, Курок болтал и плевался косточками:

– Чужак добрался до библиотеки, на карте она обведена кружком. В библиотеке живет один хмырь, его Ткач зовут. Вполне может...

Вполне может быть, что этот самый Ткач что-то знает. Про чужих, про спутники, вот уж не думал, что когда-нибудь буду иметь дело со спутниками.

– Они еще тогда рассорились, я маленький был, хомячков разводил. А может, вообще еще не был, не помню. Тогда плохо жилось, жрецы расплодились, прямо так и лезли, так и лезли, из вентиляции высовывались, все только и делали, что отбивались. Мы, кстати, тогда еще не на Варшавской жили, а в трубе какой-то, не знаю. Все со жрецами воевали, а этот Ткач не хотел, говорил, что это бесполезное занятие, надо по-другому. И книжки все читал, те еще, старинные. Ну, его и выгнали.

Курок захрустел сухарями.

– Ткач ушел, а потом вернулся и показал дорогу на Варшавскую, мы туда и переселились. С тех пор его все уважать очень стали, но он все равно не вернулся. Стал жить сам по себе. Тут, в библиотеке.

Курок показал кружкой.

– Этот Ткач – еще вонючее Япета, я его один раз видел. Он книжки читает, бродит туда-сюда, календари ищет, вынюхивает... Разгадать хочет.

– Что разгадать?

Курок повертел пальцем вокруг.

– Все. Про все то есть. Поэтому Япет его и не любит.

– Не любит?

– Угу, – кивнул Курок. – Япет про то, как сейчас, думает. Как помидоры зреют, как кабанятина коптится. А Ткач про то, как потом. Прозирает грядущее.

Курок расхохотался.

– Сначала прозирает грядущее, потом его же просирает! Так вот, Ткач как-то в очередной раз прозрел грядущее и явился к Япету с советами, как очистить пространства, а Япету советы не нужны, вот они и поссорились. И даже подрались, Ткач нашего за бороденку оттаскал, да.

– А как же Поход на Запад? – перебил я. – Япет же собирался разведывать...

– А, – Курок махнул рукой. – Я про этот Поход всю жизнь слышу. Собираются, собираются, да никак не соберутся. С кем в поход-то идти?

Курок поморщился.

– Запад – это тебе не тут, это круть. Чуть зазевался – и все, суши ногти. Да сам увидишь...

Курок замолчал, болтал кружку.

– Кстати, вполне может быть, что Ткач нам чего и подскажет, опытный чумарез. Только сумасшедший. Если жив, конечно, его года четыре уже не было видно, а ходить к нему Япет запретил.

– Почему?

– Чтобы умы не смущать.

– Как это? – не понял я.

– Ну... – Курок почесал подбородок. – Я не очень хорошо знаю... Короче, этот Ткач, он очень много читал. Не просто много, а очень много. Четыре книжки в день. Вот он читал-читал, читал-читал и сдернулся. Он вдруг понял, что все решают герои.

– Кто-кто?

– Герои. Ну, герои. Такие простые сверхличности, как ты, как я.

Курок хохотнул.

– Как?

– Герои, – повторил Курок. – Они все решают. Вот смотри. Живет какой-нибудь там народец, рыбу ловит, корову доит, а тут чудище. И давай это чудище жрать мужиков, а девок в пещеру таскать с паскудными целями. Никто ничего не может, все только стонут и лбами стукаются. Короче, все, тупик, кажется – и вдруг бац, Беовульф приехал.

– Кто? – спросил я.

– Беовульф, кто еще.

Курок почесался, отхлебнул бульону.

– Беовульф – это дядька такой беспощадный. Приехал – и раз-два, разобрался с пакостью по-быстрому. А потом еще дракона зарубал, ну, короче, времени даром не терял. Старинная история, достоверная. И в другие времена тоже очень похоже все происходило – герои всегда проблемы решали. Вот Ткач и решил, что у нас то же должно быть. То есть должен появиться такой вот герой, который положит предел этому всему.

– Как именно положит?

– Ну, не знаю, – Курок икнул. – Например, так. Герой проникнет на Запад – и выяснит, как именно.

Я поглядел на него.

Рожа у Курка была прыщавая и оплывшая, как он жив до сих пор с такой рожей? И с такими космами.

Курок рассказывал дальше:

– Япету не нужно, чтобы народ на Запад сигал, ему не нужны герои, ему нужны твердые выживатели. К тому же...

Курок поморщился.

– Этот Ткач все эти свои идеи не просто так рассказывал, а с призывами. Ну, у нас человек пять понаслушались – и на Запад двинули. Никто их с тех пор не видел. Вот Япет и рассвирепел. Велел Ткача не пускать и самим к нему не ходить. Ясно?

– Вполне. Но нас не отправили на Запад. Тот не Япет. Значит...

– Значит... Ничего это не значит! Бросок на Запад, как же. – Курок поболтал кружку. – Ты вот собираешься спасти мир? Собираешься, знаю. Все собираются. Только никак не соберутся.

– А ты?

– Само собой. А почему нет? Почему не я? Кто-то же должен положить предел всему этому безобразию? Наверняка ведь есть способ...

– А сколько лет было этому Беовульф? – спросил я.

– Не знаю, – пожал плечами Курок. – Вряд ли он был стариком.

Это точно. И остальные герои тоже до морщин не доживали. Герой – он всегда молод. Чем старше человек, тем меньше он на героя годится. Зрение ухудшается, руки дрожат, скорость не та. Взрослый герой не может быть физиологически. Так что получается, что я вполне подхожу. В Беовульфы эти.

Мы доели обед, ополоснули кружки и направились дальше.

– Я тоже раньше думал, – болтал Курок. – Тоже думал – вот вырасту, и всех спасу. Вырос. Прихожу к Япету, спрашиваю – что делать, а он мне говорит – капусту жрут бабочки...

Мы пробирались через старый и скучный город, однообразный и безликий, не выделявшийся ни архитектурой, ни высотой, ни зеленью, тяжелый город. Я это только сейчас стал замечать, раньше город казался совсем одинаковым, теперь я стал различать степени, некоторые районы были гораздо хуже.

Вот как этот. Одинаковые, серо-коричневые.

– А мне совсем не так хотелось. И всем у нас не хочется, но Япет всех заставляет репу сажать... Вот поэтому он и Ткача выгнал – тот мечтал слишком много, а репу сажал мало. Давай скорее, тут надо быстро. Кладбище рядом, сам понимаешь... Вон, смотри, пришли уже почти, вон там.

Я прочитал – «Ткацкая улица», понятно теперь, почему Ткач.

Ткацкая оказалась совсем небольшой. Узкая, невысокие дома с обвалившимися балконами, почерневшие непонятно от чего деревья, то ли от засухи, то ли в корнях завелось что, не понять. Преодолели ее без труда, шагали по правой стороне.

Библиотеку я сразу узнал, не узнать трудно. Невысокое, этажа в четыре здание, пристроенное торцом к полуразрушенной многоэтажке.

Бумаги много. Под ногами, вокруг. Давно началась уже, с полкилометра. Выцветшая, слипшаяся, скатанная в шары, сложенная в высокие стопки, совсем новая и древняя, распадающаяся в прах от солнца, даже на деревьях, вместо листьев. А потом...

Бумага почернела.

– Так... – протянул Курок и снял с плеча автомат.

У Курка интересное оружие. Самодельная штурмовая винтовка. Облегченная, со складным прикладом, с четырехкратным прицелом, с необычным магазином – вокруг ствола. Калибр небольшой, отчего почти сто двадцать патронов влезает, безгильзовых, конечно. Два запасных магазина, стреляй – не хочу. Я к такому оружию не склонен, остальные часто используют. Ленивые потому что, настолько ленивые, что иногда даже не чистят, к Петру волокут. Вот и Курок к своему автомату прохладно относится, то в песок уронит, то об асфальт ушибет, говорит, что у Петра в карты выиграл.

Курок устроил автомат под мышкой и пнул пепел.

Пепел был везде. Никакого плавного перехода между бумагой и пеплом, вот бумага, вот пепел. Выгорело все.

Сквозь окна самой библиотеки, из первого и второго этажа выдавливалась паленая бумага, отчего казалось, что здание залито ей под самую крышу.

– Выгорело все, – поморщился Курок. – Этот Ткач... Тут раньше центр библиотечный располагался... Места всем не хватало, вот и укрупняли. Книжки в одно место свозили, тут и под землей тоже есть... Ах ты...

Воздух колыхнулся, с крыш прыгнул смерч, поднял бумагу, Ткацкая улица мгновенно стала непроходимой, пришлось сесть на асфальт, вертящийся пепел старался залепить лицо и выцарапать глаза. Смерч гулял долго, минут пять мы сидели в центре шуршащего угольного водоворота, убаюканные странным звуком и тишиной, повисшей за этим звуком, как купол.

Прекратилось все разом, смерч умер, стало совсем тихо, некоторое время мы наблюдали, как вокруг оседает черный снег, бывший когда-то газетами и книгами. Курок поймал уцелевший лист, спросил:

– Какая строка?

– Что? – не понял я.

– Номер строки. Погадаем. Прозрим будущее, плюнем в глаз настоящему. Давай, Дэв, не дрягайся.

– Ну, восемнадцатый.

Курок распялил лист на коленке, прочитал:

– Редкие вспышки молнии выхватывали из сумрака сгорбленные фигуры людей... Все. К чему бы это?

– Что непонятного? Молния, гроза, все сгорело... Дождя в этом году еще нормального не было, так что к дождю.

– Что делать будем?

Курок скомкал лист, спрятал в карман. Достал карту.

– Похоже, что Ткач немножечко испарился...

Курок зачерпнул горсть пепла, дунул.

– Что делать будем... – я оглядывал улицу. – Делать будем... Устраиваемся на ночлег, вот что. И поскорее.

– Рано ведь еще.

– В самый раз. Торопиться нам некуда, хороший сон – залог здоровья. Вон туда.

Я указал на четвертый этаж дома напротив библиотеки.

– Почему четвертый? – спросил Курок. – Четвертый ведь не очень...

– Можешь на пятый, – пожал я плечами.

– Да не, мне все равно, четвертый так четвертый.

Подъезд был закрыт, пролезли через второй этаж, выбили дверь квартиры изнутри, выбрались на лестницу. На четвертом этаже располагались три номера, мы вошли в сорок пятый.

Квартира была пуста, без мебели, без скелетов, похоже, что в ней вообще не жили, хотя в большой комнате в углу догнивали дрова, а в другом углу газеты и журналы. И книг стопки, посредине кострище и прогоревший котелок.

Курок потрогал пальцем сажу, сказал:

– Недавно останавливались. Может, этот чужак и ночевал. Костер разводим?

– Нет, в газеты завернись, в них тепло.

Курок так и сделал. Бухнулся в угол, нагреб вокруг бумаги, привалился к стене.

– Люблю спать сидя, – сказал он. – Даже стоя, очень удобно.

Я устроился напротив окна. На дверях засов, если кто в окно полезет, встречу. Папу, опять же, под окном выставил, Папа чувствителен к посторонним.

Курок зевнул, выпростал из-под бумаги руку с плиткой табака, откусил, зевнул.

– Жалко, – сказал он. – Жалко, что Ткач сгорел. Подсказал бы нам.

– А может, он спасся? – возразил я.

– Сгорел. Все сгорят, и все подохнут. А Ткач хотел нас культуре научить, он все-таки не мурзик, библиотекарь...

– Чему научить?

– Культуре. Ну вот, к примеру...

Курок выпростал из-под бумаги другую руку, дотянулся до журнала, поглядел, отбросил, дотянулся до книжки.

– Культура – это вот... Какао будешь?

Кто ж от какао откажется?

Курок кинул мне термос.

– По рецепту матушки. Надо выпить, пока не остыло.

Я свинтил с термоса крышку, налил. Какао оказалось густым и сладким, не какао, а почти шоколад, две кружки выпил, кинул термос обратно. Курок тоже отпил.

– Так бы всегда жить, – сказал он. – С какао. А кошак твой его пьет?

– Не знаю...

– Давай попробуем.

Курок подошел к Папе, налил в поилку какао. Папа немного подумал, затем принялся хлебать.

– Сладенькое все любят, – Курок добавил из термоса еще. – Все мы, в сущности, звери.

Папа лакал.

– О чем мы там говорили? – Курок вернулся в угол.

– О культуре.

– Ах, да. Культура – это культура. Литература, например. Тебе мама перед сном читала? А, извини... А мне читала. Очень интересно. Обогащает духовный мир. Вот сейчас я немного почитаю.

Я зевнул, Курок на это внимания не обратил вовсе, прокашлялся и стал зачитывать:

– Все будет, как было уже много раз. Мир исполнится злом и, не выдержав тяжести, падет на колени. Вода станет горька, и воздух сух, земля перестанет родить, птицы же, все до единой, рухнут на землю черным дождем. И будет стон...

Не умеет Курок читать, зря его мама старалась. Механически он как-то это делает, как шестеренки перекатываются, тук-тук-тук, и в голове от них тоже тук-тук-тук, шмяк-шмяк-шмяк, и какой-то полусвист неприятный.

– Похоже, это пророчество, – сказал Курок. – Ты как, пророчества уважаешь?

– Очень.

– Я тоже. Интересная книжка, называется... «Предсказания Старицы Ефросиньи». Ефросинья, значит, предсказывает... Когда терпение уже почти иссякнет и надежд не останется, придет герой со стороны студеного ветра... Это почти про нас...

Курок читал, а я уже немножечко спал, пророчество оказалось довольно занудной вещью, наверное, все пророчества такие, но это было просто утомительно, наверное, эта Ефросинья редкая дура. Вообще, я две штуки слышал, пророчества два то есть, одно – что снега много выпадет, – и сбылось, не замедлило. А второе было серьезней, про Гомера. Что будет Гомер жить долго, даже очень долго, главное, от воды подальше держаться, потому что написано у него на руке, что утонет он и никак этого не миновать. А не утонул Гомер. Вот и получается, что к пророчествам я вполне преспокойно относился, особенно к таким вот – нараспев которые, разморился, а тут Курок бу-бу-бу.

– ...С холодной головой, с руками, твердыми, как сталь, с верным, как у сокола, глазом, Освободитель с Севера...

Интересно, почему все эти предсказания вот так вот составляются? Почему нельзя просто – придет герой и всех перебьет.

– ...явится и вызовет на бой чудовище, оскверняющее пятой своей землю нашу...

Курок зевнул.

– Пятой вашей, землю нашу... Что-то Ефросинья не то пророчествует, криво. Хотя ты вроде с Севера. Да?

Я промолчал.

– Ясно, с Севера. Наверное, это ты...

Курок сплюнул жвачку.

– ...сразит, как царь Давид сразил из пращи мерзкого Голиафа... Вот так так! Из пращи мерзкого Голиафа. Голиаф – это, я думаю, голем. А праща – это некое оружие, его камнем отравленным заряжают... Царь Давид. Ты точно из Рыбинска?

– Ага.

– Из Рыбинска. Рыбинск – это какая-то... Ты не обижаешься?

Я не обижаюсь. Чего мне обижаться, у меня терпение, как у носорога, а если кому-то очень шею свернуть хочется, то я до десяти сначала считаю, потом тропарь Терпения, а потом уже прощаю, пусть с ним.

– Старая история, ее тоже мама рассказывала, пока булавкой не подавилась. Давид замочил Голиафа. Голиаф – это не голем, это просто великан, здоровенный, с одним глазом и хвостом, с грыжами по всему туловищу, и рожа еще кривая. Давид его подстрелил, отрезал башку и... и вообще, навел порядок.

– И что?

– Ты что, не понимаешь? – Курок постучал по лбу. – Тебя зовут Дэв...

– Это в честь демона огня.

– Это в честь древнего героя! Только сокращенно! Ты – Герой с Севера, я – твой верный оруженосец!

– Что-то ты не носишь оружия.

– Это так называется просто. Ты герой, я с тобой! Не, хоть в люк прыгай, а?!

Я молчал. Думал. Про этого Давида. У нас в Рыбинске... тьфу ты... У нас всем мальчикам какие-то необычные имена давали, Гомер говорил, что это специально, чтобы не забывалось. Читали какую-нибудь книжку и из нее имена и давали. Ной, например, очень удачно – он был всегда... А сейчас кликухи какие-то поганые. Шнырь, Ткач, Окуроч... Хотя Серафима тоже имя красивое, приятно произносить, жаль, что дура.

Алиса. Алиса еще красивее.

– К тому же ты из Рыбинска, – Курок выплюнул жеваный табак. – Это многое объясняет.

– Что объясняет?

– Ты рыбак?

– Ну да...

А что, я действительно рыбак.

– Рыбак из Рыбинска... Как все те...

Курок замолчал. Закинул в пасть табак, стал жевать сосредоточеннее. Темнело, чавкал Курок, мне хотелось спать, даже Папа в своей клетке позевывал.

– В этом пророчестве – в конце там что?

Курок уставился на меня.

– В пророчестве, говорю, что?!

– Ах да. В конце вот так... «И Сатана будет погран. И он вместе со своим нечестивым воинством низринется в бездну, откуда, собственно, и вышел. И станет тишь и покой». Вот как Старица Ефросинья завещала.

Курок захлопнул книгу, швырнул в другой конец комнаты.

– Сатана падет, зацветут цветочки. – Курок поковырялся в зубах. – Все понятно с вами. Хорошее пророчество. Герой с Севера, карающая длань, до седьмого колена... Складно, прямо, как маму встретил. Потом как-нибудь перепишу... Ладно, спать давай.

– Давай...

Я закрыл глаза. Станный этот Курок. Что-то неправильно в нем, только что, непонятно. Умный слишком для своих лет. Много знает, больше, чем я. Не мог Япет ко мне болвана прицепить, маму помнит, мама ему книжки читала...

Сон отвоевывал пространство, мысли ворочались все тяжелей и тяжелей, тени вытянулись и исчезли, став ночью. Я уснул. Закопался в бумагу, успел подумать, что все это как-то глупо, что...

Мне снился вполне приятный сон про жареную картошку. Большая сковородка жареной картошки и я. Сначала ел вилкой, потом бросил и ел уже руками, и все время попадались какие-то кирпичи, скрежетали на зубах, а потом сразу пошло про душителя. Темная фигура, обряженная в длинный кожаный плащ, я пытался разобраться с ним по-разному: и секирой, и из мушкета, и даже пробовал жечь огнеметом, но душитель был неуязвим. Душил. Душить умудрялся на расстоянии, просто смотрел из-под черного капюшона – а я удушие ощущал, все просто. Чем пристальнее смотрел, тем сильнее я задыхался.

В конце концов я стал задыхаться, перед глазами поплыли красные овалы, умирать во сне не хотелось, я проснулся от боли. Но не в горле, а почему-то в ноге.

Темно. Что-то дико зашипело рядом, и я тут же почувствовал, как в мясо вперорлись когти. Папа. Папа шипел и царапался. Он как-то умудрился доползти ко мне от подоконника. Я открыл глаза...

Комната. Ничего не видно. Звук. Громкий и противный, похожий на крысиный писк, только не настоящий, а железный, точно наступили на хвост жестяной крысе, и она проявляла теперь неудовольствие.

– Курок! – позвал я.

И тут же почувствовал жар. Внутри, в желудке. Как-то раз я съел маленький красный перец, по незнанию, в Рыбинске подобные не водились. И два дня в желудке у меня бушевал хорек, ни есть, ни пить, ни спать я не мог. Это было похоже, только никакого перца я не ел.

Боль усилилась и поползла вверх. И Папа уже заорал, дико и страшно, как могут орать одни только кошки.

– Курок!!!

– А-х-х! – очнулся Курок.

Глаза, по ним ударило, мощно, сильно, будто скунсом, резь... Захотелось пить, полез за бутылкой...

– Нет! – крикнул Курок. – Нельзя!

Он разметал газеты, вскочил, залез под куртку, выхватил продолговатую коробочку.

Навигатор. Тот самый, нерабочий, который нашли у чужого. Только теперь он вполне себе, кажется, работал, мигал красной лампочкой. И пищал. Еще чаще и надрывнее.

– Уходим! – заорал Курок.

Он подхватил автомат и кинулся прочь из квартиры, загрохотал по лестнице. Папа вылез. Я прицепил его к рюкзаку, рванул за Курком.

Бежать оказалось неожиданно тяжело. Казалось, что внутренности повисли внутри тела на тонких болезненных ниточках, и при каждом шаге они ушибались друг о друга, стремились оторваться, скручивались и растягивались, по лестнице я скатился с трудом.

Выбрался на козырек подъезда. Курок бежал по улице. Охая, сквернословя и как-то умудряясь извиваться прямо на ходу.

Спрыгнул на асфальт. Внутри лопнул пылающий болевой пузырь, я не удержался и заорал.

– Догоняй! – крикнул Курок.

Я стал догонять. И сразу понял, почему извивался Курок. Каждый шаг отдавался болью. Печень, сердце, желудок, мозг отслоился и теперь стучался изнутри о череп. Пот. Он проступил через поры, я взмок, точно пробежал несколько километров по жару.

Курок оторвался уже изрядно, метров на двести, пришлось подналечь. Стиснуть зубы, втянуть живот, напрячь все мускулы, чтобы уменьшить этот кишкотряс, дышать вполтину.

Догнал.

Курок уже сдыхал. Шипел, плевался желтой табачной слюной. Прибор пищал уже почти без перерыва.

Забрал у Курка автомат, всё тяжесть. Это не очень помогло, Курок отставал. Тогда я схватил его за пояс и поволок за собой.

Считая шаги.

Почему Курок убегает? Почему воду нельзя? Значит, знает. Что убежать можно, а воду нельзя.

Правая нога провалилась в трещину, запнулся, покатился.

Курок остановился.

– Вперед! – рявкнул я.

Нога цела. Попробовал встать...

Щелк. На секунду я потерял сознание. В солнечном сплетении что-то щелкнуло, выключился, очнулся, от шума. В животе образовалась дыра, через нее выливались кишки, дымящиеся и разбухшие.

Ощупал себя. Ничего. Примерещилось. Еще чуть – и не примерещится, в груди просто бомба. Папа уже не хрипел, просто извивался.

Курок стоял. Придурок, что стоит, надо уходить. Вскочил рывком.

– Вперед!

– Провал... – прошептал Курок.

На губах выступила кровь.

– Все...

Курок сел, глаза у него выпучились и налились.

Выкипевшие глаза. Прекрасно.

Прибор выл.

Провал. Пять метров, может, чуть больше. Внизу темнота. По краям не обойти, длинный.

– Надо прыгать.

Я размахнулся, перекинул автомат Курка на ту сторону.

– Не допрыгну... – по подбородку у Курка потекла пена. – Больно...

Я не стал его уговаривать, отступил для разгона, разбежался.

Спасибо Гомеру, прыгать тоже научил, между домами скакали. Для эффекта. Перелетел легко, сжался в комок, перекатился, все равно больно.

– Это легко! Курок! Давай сюда!

Курок поднялся на ноги, покачиваясь.

Навигатор завывал.

– Скорее!

Курок разбежался. Прыгнул.

Не долетел, скрючился, ударился о выступающий край асфальта, рухнул вниз.

Я прыгнул за ним.

Глава 5

Праведный чай

Я плыл. Темно и тихо, я не чувствовал рук, ног и даже головы, зато отмечал сырость и медленное движение. Тропарь. Язык склеился со ртом, слова не ворочались, испугался парализации, поморгал глазами, однако результата никакого не получил – из-за тьмы ничего понятно не было.

Внутренности продолжали гореть, но уже не так сильно, уже почти терпимо. И глаза. За секунду перед прыжком в провал мне казалось, что они лопнут, выгорят, как у Перехвата.

Но глаза уцелели. И я тоже уцелел, даже, кажется, не поломался. Земля под асфальтом оказалась мягкой, съехал по склону, наткнулся на ржавые трубы, а потом на трухлявые бревна, метров пятнадцать и бетон, успел сгруппироваться, очнулся уже в воде.

Река. Или ручей. Теплый, иногда горячий.

Попробовал пошевелить ногами. И тоже ничего не понял – движения в воде не определялись. Сжал руки в кулаки. Пальцы на правой послушно сомкнулись, на левой – нет, я потянул и почувствовал тяжесть, меня втянуло под воду, лица коснулось что-то мягкое и скользкое.

Всплыл и увидел звезды. Под землей, а звезды. Прямо над головой.

Смерть. Я подумал, что я все-таки умер – как еще объяснить звезды перед глазами? Серебряные, сверкающие, крупные, захотелось протянуть руку, собрать в горсть. Но руки не поднимались. К тому же я неожиданно увидел, что звезды шевелятся. Хорошенько проморгавшись, я с некоторым разочарованием обнаружил, что это не звезды, а улитки. Маленькие и светящиеся. Они медленно поворачивались и шевелили длинными усиками. Тогда я понял, что жив.

И скоро я услышал фонарик, негромкое кряканье. Язык разлепить не получилось, зато удалось пошевелить ногами.

Поплыл на звук.

Фонарик зажужжал сильнее, вспыхнул огонек, и я стал грести.

Курок. Он сидел на узкой песчаной отмели. Неестественно обхватив голову одной рукой, другой нажимая на фонарный рычаг.

– Привет, – сказал я и выбрался на сушу.

И вытащил за собой клетку. С Папой.

Курок почесал голову.

– Цел? – спросил я.

– Частично... По большей части. Внутри все болит. Хорошо хоть сетчатка не отслоилась.

– Снаряга?

С этим было хуже. Курок потерял все. Автомат остался на поверхности, магазин с патронами утонул, другой залила вода. Только нож сохранился. И фонарик.

Шлем и то утонул, проще голову потерять, чем шлем, но Курок умудрился.

И босиком еще.

– Ботинки где? – спросил я.

– Утонули, – буркнул Курок.

– Утонули...

– Что мне, самому тонуть было? Они меня на дно потащили, еле сбросил... Да, герой, чуть не сдохли. Мне кажется... А с кошкой что?

С кошкой. С Папой.

Помер Папа. Сварился. А потом утонул.

– Да... – протянул Курок. – Это из-за массы. Кошка маленькая, сварилась быстрее.

– И что это было? – перебил я.

Курок достал папиросы. Неразмокшие. Папиросы он спас, ботинки нет. Закурил.

– Я так думаю, это и есть спутник, – сказал он, выпустив дым. – Он висит...

Курок указал папироской вверх.

– Над городом. Видимо, реагирует на движение. Или еще на что-то, мы не знаем.

– Почему раньше его не было?

Курок закашлялся.

– Он всегда был. Просто сейчас в активный режим переключился. Причину не знаю.

– Почему тебя послали? – спросил я. – Только без кривляний? Не надо мне про паек, не надо про пятки, хорошо? Я из Рыбинска, но я не дурак.

– Меня не послали, я сам напросился, – ответил Курок. – Видишь ли, мой дорогой Беоульф, я по спутникам специалист.

Окурок специалист по спутникам.

– Так получилось. Я телескоп в детстве нашел. Знаешь, что есть телескоп?

– Знаю.

– Ну вот. Нашел, стал смотреть. Сначала просто для красоты, потом интересно стало. Книжку достал, астрономическую, в ней все написано. Про звезды, про спутники, про освоение космоса. А потом увидел. Прямо над головой. Это даже не спутники, если совсем уж правильно. Спутники или вокруг вертятся, или над горизонтом висят. А эти прямо над городом.

– Эти?

– Ага. Их там восемь модулей.

Прекрасно.

– И что, их просто так и видно? В телескоп?

– Да их даже в бинокль видно. Просто надо знать, куда смотреть – они покрыты специальной защитой, которая свет отражает.

– А откуда ты узнал, куда смотреть?

Курок замолчал.

– Откуда? – повторил я.

– Ну, это... короче... Еще давно, короче. Этот старый библиотекарь, Ткач, он... он мне карты показал. Космической группировки, да. В одном бункере. И там все спутники прямо отмечены, где висят, куда летают. Притащил эти карты Япету, а тот не поверил. А потом я в библиотеке эти карты нашел, взял – смотрю, и правда висят. Модули. Все просто.

– Зачем над городом эти... модули?

Курок затаился.

– Разве непонятно?

Понятно. Прекрасно действуют. Лучше не придумаешь. Вот уж точно палец Сатаны. Еще этого добра на нашу голову не хватало. Папу поджарил...

– Хотя, может, раньше у них какое-то другое предназначение было.

– Какое предназначение у подобного прожигателя?

– Разное. Я тебе десять предназначений придумаю. Япет, например, полагает, что это погодная установка. Погоду исправлять.

– Ну да, он говорил, – вспомнил я.

– Говорил, да... Воздух прогревать или, наоборот, остужать. Или система увлажнения – воду испаряют, а она дождем обратно. Возможно, недовольных разгоняли... Да мало ли? Вот китайцы. С китайцами бороться. Когда бешенство случилось, они хлынули – их решили сверху выжечь. И выжгли. А когда все покатилося, то про спутники и забыли. А сейчас они активироваться начали...

– Или кто-то их активирует.

Курок кивнул.

– А почему изнутри жжет? – спросил я.

– Не знаю... Излучение... Не знаю.

– А почему он погань не выжигает?

– Потому, что он ее не видит. Это построено людьми для охоты на людей. Но можно, наверное, как-то поправить... Я не знаю. Поэтому и пошел. Может, у тех, из зоопарка, есть идеи.

– Так... Почему навигатор пищит?

– Ах ты...

Курок принялся хлопать себя по карманам, искать навигатор.

– Утопил... – Курок пнул песок. – Повезло... Он пищит при приближении удара. Чем громче сигнал, тем больше мощность. Средство безопасности.

Здорово. Папа сварился, навигатор утонул, начнут выжигать – не заметим. Интересно, а другие модули на что рассчитаны? Один выжигает, другой вымораживает, третий страх внушает.

Прекрасно.

Курок перестал жулькать фонариком, стало темно, и он сказал:

– Дальше пойдем?

– Конечно.

– А я... Оружия нет ведь. И босиком.

– Достанем.

– А ты? У тебя как?

Я достал из-за спины карабин, щелкнул курком. Исправен, звук звонкий и плотный. Перезарядить только. Вообще, конечно, я тоже обштопался, карабин стоило проверить сразу, перезарядиться, год назад я бы так и сделал.

Порох у меня в старомодном рожке и в пластиковых банках, пули пришиты к воротнику слева, пыжи справа, капсюли тоже справа. Заряжаться я могу и в темноте, секунд за двадцать – раз.

Направил карабин в воду, выстрелил.

Грохнуло хорошо, вспышка осветила широкий полукруглый туннель, эхо запрыгало над водой, я определил, что туннель длинный. И даже очень.

Карабин был исправен, перезарядился картечью.

Рюкзак висел за спиной, ножи на месте, заряды тоже. Топоры, секира. Шлем на голове. Я не потерял ничего.

– Поэтому тебя Япет и отправил. Слышь, а ты правда целое жреческое гнездо в одиночку разорил?

– Неправда.

– Я так и знал. Слышь, Япет тебя на смену себе, наверное, растит. Ты когда новым Япетом станешь, ты про меня не забывай. Чтобы грядку мне отдельную, поближе к Трубе, там табак слаще получается... а где это мы? Труба длинная...

– Верхнее Метро, – сказал я.

Курок ругнулся.

– Зря ругаешься, – я зевнул. – Особенно здесь. Притягивает.

– Что притягивает?

– Погань. А ты босиком и без оружия. Когда человек босиком и без оружия, он не ругаться должен, а о благодати думать, о самосовершенствовании.

– В праведника станешь меня переделывать? – ехидно осведомился Курок. – Как ты?

– Ага. Праведники наследуют землю.

– Знаю, читал. Только этой штуке... – Он посветил фонариком в потолок. – Этой штуке все едино, что праведник, что грешник.

– Босиком и без оружия, – напомнил я. – И праведники ее действительно наследуют.

А что, действительно ведь. Вот я. Не курю, не ругаюсь, нрава доброго. И ничего не потерял. Оружие, припасы, все. Шансов выжить и продолжить свой род у меня на порядок больше.

– А кошак твой? – спросил Курок. – Что-то он не мяукает... Сдох, что ли? А ведь тоже, наверное, праведный был...

Я ударил, попал в ухо.

Курок замолчал.

– Нельзя обижать Папу, – сказал я. – Он нам жизнь спас. Это надо уважать.

– Давайте теперь молиться ему будем, – не удержался Курок. – Святому Папе. О, Папа...

Я поймал его за шкирку и за лохмы, они у Курка длинноваты, ухватился покрепче и в воду.

Курок забулькал, забил по воде конечностями, я отпустил.

– Дурак, – сказал Курок. – Я совсем не в том смысле... Просто ты...

– Еще макнуть? – спросил я.

– Не надо.

– Вот и отлично.

Я открыл краник, чиркнул, зажег карбидку. Стало светло.

– Нам бы отсюда выбраться как-нибудь, – спросил Курок. – Как выбираться будем?

– Просто. Вниз по течению. Скоро станция... Ты карты не потерял?

Курок промычал отрицательно. Хотя что-то положительное.

– Значит, будем делать так. Как я скажу. Если жить, конечно, хочешь. Хочешь?

– Немного.

– Я в тебе не ошибся.

Жить вообще все хотят, редко кто наоборот. В привычку входит, трудно отказываться.

– Это тебе.

Я вытащил из ножен секиру, протянул Курку.

– Острая штука.

– Знаю. Со жнеца ножичек. Поплывешь первым. Я буду карбидкой светить и прикрывать.

– Я это... не умею, – прошептал Курок. – Плавать то есть.

– Как это ты не умеешь? Ты же сюда приплыл.

– Я без сознания сюда приплыл... – улыбнулся Курок. – В отрубе. Не знаю как, вообще, очнулся уже на песке, лежу себе, думаю, сдох в канаве...

– Будешь держаться за меня, – велел я. – За плечо. Держись и особо не дергайся, а то сброшу. Поехали.

– Сдохни, Шарик, послезавтра...

Я бухнулся в воду, Курок за мной, вцепился в плечи и почти сразу меня притопил, пришлось немного боднуть его шлемом. Поплыли.

– А мы тут плавать не умеем, – болтал Курок. – А где нам плавать? Воды-то нет. Это в Рыбинске можно плавать, хошь – туда плавай, хошь – сюда, а хошь – вообще рыбу уди...

Впрочем,плыли мы недолго, очень скоро я нащупал ботинками рельс, и мы уже не плыли, а брели в воде по грудь. Вода делалась холодней, под ногами чувствовалось более быстрое течение, похоже, что в тоннеле били ключи. Подземные ключи на подземной дороге, дурацкий мир.

Я мерз. Но я человек к холоду привычный, как терпеть, знаю. Курок мерз гораздо сильнее, даже зубами щелкал, не очень приятно, когда за спиной клацают, дрожал. Еще полчаса, и воспаление легких. У меня тоже. Хотя Курок с виду крепкий, переживет, наверное, покашляет немного, оглохнет, я тоже как-нибудь не откинусь, только вот болеть в походе не дело совсем, в походе должно стрелять и бегать.

Погреться, срочно погреться.

– Ног не чувствую, – сообщил Курок. – Совсем ходули отморозил...

Плохо. Тепло в воде долго не удержать, вода крадет его лучше всего остального. Если ноги остынут совершенно, студеная кровь клонет в сердце, и все, не откачаешь.

Попытался ускориться, но пробираться по грудь в воде было тяжело. Я оскальзывался, погружался с головой, отплевывался и снова шагал. Курок продвигался первым, кашлял, ругался, плевался.

– Не могу... – бормотал он. – Не могу уже... Спать охота... Мама подавилась булавкой, папа неизвестный герой...

Его уже колотило, крупно, даже мне чуть передавалось, хорошо, пока трясет, значит, жив, значит, энергии на тряс хватает.

– Рассказывай, давай, – велел я.

– Что... рассказывать? – не понял Курок.

– Не знаю. Интересное. Веселое.

– Про пришельцев могу... Тут книжку одну прочитал, очень интересную...

– Давай про пришельцев, это интересно.

– Я не помню... Пришельцы прилетели... На тарелках... Сразу со всех сторон... Они здесь... Здесь, под землей. Тарелка упала, а они ее закопали. Да, тарелка под городом, внизу, я видел секретные карты... А они из нее лезут и лезут, и маленькие, и большие...

Холодно, даже бредовые пришельцы не помогают.

– ...они только героев боятся... Потому что герои тоже пришельцы, их сюда перенесло телепортацией. Телепортацией переносятся хорошие пришельцы, а плохие прилетают на тарелке, редкая дурь, правда? А хорошие еще на метеорите прилетают, так и пишется – прилетел на метеорите... Только они могут справиться с плохими, потому что у них оружие... И только герои могут, потому что их нельзя убить... Они пуленепробиваемые. Пули сплющиваются или отскакивают... Слышь, Дэв, от тебя ведь пули должны отскакивать...

Тоннель неожиданно расширился.

– Станция... – просипел Курок. – Наконец-то... Вот как, оказывается, надо – про пришельцев рассказывать, доброе волшебство... «Электрозаводская», приплыли, здесь раньше электрические заводы стояли, электричество вырабатывали, еще до Нижнего Метро...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.